

Евгения и Антон
ГРАНОВСКИЕ

ЗАБЛУДШАЯ ДУША

Маша Любимова и Глеб Корсак.
Следствие ведут профессионалы

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Заблудшая душа

«ЭКСМО»

2014

Грановский А.

Заблудшая душа / А. Грановский — «Эксмо», 2014 — (Маша Любимова и Глеб Корсак. Следствие ведут профессионалы)

Получив известие о смерти своего дяди, Глеб Корсак немедленно выехал в провинциальный городок Полесск. Борис Алексеевич Корсак погиб во время пожара в краеведческом музее, где он работал директором. По официальной версии, произошел несчастный случай – загорелась старая проводка. Но потом Глебу подбросили записку: «Вашего дядю убили»... Оказалось, Борис Алексеевич писал роман – Глеб нашел рукопись в сейфе среди обгоревших развалин музея. Он повествовал о далеком предке их семьи, Галебе Корсо, которому пришлось вступить в схватку с демонами в зверином обличье. Увидев в городе изображения описанных в романе существ, Глеб понял: возможно, его дядя узнал о них больше, чем полагалось...

Содержание

Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Грановский, Евгения Грановская

Заблудшая душа

© Грановская Е., Грановский А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Г. Полесск, Калининградская обл., 15 сентября

Борис Алексеевич Корсак посмотрел на себя в зеркало и вздохнул. То ли старинное зеркало, в силу своей древности, чересчур сильно искажало его черты, то ли эти черты были искажены прожитыми годами самого Корсака (а накопилось их уже больше шестидесяти), но увиденное не доставило Борису Алексеевичу никакого удовольствия.

Морщинки, мешки под глазами, обвисшие щеки, седина. «И как только она может меня любить? – подумал Корсак. – Я ведь намного старше ее. Да и импозантным меня никак не назовешь».

Борис Алексеевич провел по зеркальной глади ладонью, словно хотел стереть со своего лица отпечаток времени, вздохнул и отвел глаза от зеркала.

В музейном зале было пусто и тихо, лишь тихонько потрескивали люминесцентные лампы под потолком. Борис Алексеевич неторопливо прошелся по залу, поглядывая на экспонаты и чувствуя себя единовластным хозяином этого небольшого, но дорогого сердцу царства. Старинные изделия из бронзы, статуэтки и украшения, потемневшие от времени картины в тяжелых резных рамах, фарфоровый сервиз барона фон Клинкоуф – когда-то расколотый на десятки кусков, но затем старательно склеенный реставратором из областного центра. Ко всему этому Борис Алексеевич приложил когда-то руку, и все эти предметы ушедших эпох были ему дороги, как могут быть дороги только самые близкие родственники.

Корсак снова остановился у старинного зеркала, висящего на стене. И в эту секунду в музее погас свет. Зал погрузился в полную темноту, однако Борис Алексеевич не растерялся и не испугался – электропроводка в музее была такая же старая и ветхая, как сам музей, и свет в залах гас с неприятной регулярностью.

Борис Алексеевич достал из кармана мобильный телефон и включил экран. Затем, подсвечивая себе дорогу тусклым светом дисплея, добрался до полки, на которой стояла старинная керосиновая лампа.

Достать из кармана зажигалку и зажечь фитиль лампы было делом одной минуты, и вскоре язычок пламени озарил небольшую часть зала и лицо Бориса Алексеевича.

Корсак убрал зажигалку в карман, поднял керосиновую лампу и двинулся к выходу из музея, поскольку распределительный электрощиток находился на улице. Шагая к выходу, Борис Алексеевич мурлыкал себе под нос привязавшуюся недавно песню.

Волку так холодно зимой.
Волку хоть волком вой.
Пустите бедного домой...
Сяду я к жаркому огню,
Мяса поем, чаю попью...

Вот и дверь. Борис Алексеевич сдвинул тяжелый засов, повернул ручку замка, открыл дверь и вышел, наконец, на сумеречную вечернюю улицу. Погода была пасмурная, накрапывал дождь. Корсак двинулся было к щитку, но вдруг остановился как вкопанный. В нескольких шагах от себя он увидел их – чудовищ из своих кошмаров. У них были человеческие фигуры, но их плечи венчали не нормальные головы, а отвратительные белые звериные морды.

Борис Алексеевич попятился. Они двинулись с места и стали неторопливо приближаться, скаля зубы и уставившись на Корсака черными и бездонными, как глазные впадины черепа, глазами.

Борис Алексеевич исторг хриплый, отрывистый крик, затем повернулся, вбежал в музей и захлопнул за собой дверь. С лязгом задвинул засов и, отбежав от двери, принялся шарить по карманам в поисках мобильного. И в эту секунду в дверь кто-то постучал – громко, требовательно.

Борис Алексеевич устался на дверь, руки его задрожали, керосиновая лампа выскользнула из пальцев и со стуком упала на землю. Стекло разлетелось на куски, и язык огня, соскочив с фитиля, подобно голодному зверю, лизнул ковер и бахрому портьеры.

«Господи, да что же это?!» – пронеслось в голове у Корсака. И тут в дверь снова застучали – громко, почти оглушительно. И ужасный этот стук эхом отразился в груди Бориса Алексеевича, сотряс его сердце, рванул аорту, как рвут пьяными пальцами струну гитары. Корсак хрипло застонал и схватился рукою за грудь.

Когда в дверь постучали в третий раз, он попятился, задел каблуком за валявшуюся на полу керосиновую лампу, покачнулся и рухнул на пол. Огонь заплясал вокруг головы Бориса Алексеевича, но ему уже было все равно, он был мертв.

Глава первая

1

Г. Москва, 16 сентября

Глеб Корсак затушил сигарету в пепельнице и потер пальцами заслезившиеся от табачного дыма глаза. Белокурая девушка, лежащая щекой на его голой груди, медленно провела пальчиком по небольшому шраму, багровеющему у Глеба с левой стороны живота.

– Глебчик, откуда у тебя этот шрам? – спросила она.

– Напоролся на ветку, – ответил Корсак.

– На ветку?

– Да.

Она снова легонько провела пальцем по шраму.

– Тебе, наверное, было очень больно?

Глеб Корсак дернул уголком губ:

– Пустяки. Не больше комариного укуса.

На тумбочке зазвонил мобильный телефон. Глеб протянул руку, взял трубку и поднес ее к уху.

– Слушаю, – сказал он в трубку.

– Я говорю с Глебом Корсаком? – Голос у собеседника был негромкий, грустный и какой-то тусклый.

– Да, – ответил Глеб.

Незнакомец несколько секунд помолчал и затем спросил, чуть громче, но с тем же обреченным выражением в голосе:

– Моя жена у вас?

– Что?

– Марина Зотова, – грустно пояснил незнакомец. – Я нашел ваш телефон в ее записной книжке. Она у вас?

– Нет, – сказал Глеб, выключил телефон и положил трубку обратно на тумбочку.

Шею Глеба обвили теплые нежные руки.

– Кто это звонил? – спросила блондинка.

– Ошиблись номером, – ответил Глеб. – Одевайся. Мне пора идти.

– У, какой ты скучный. – Девушка поцеловала его в плечо. – А знаешь что, ты иди по своим делам, я еще немного понежусь в постели. Так не хочется никуда выходить. Во сколько ты вернешься, Глебчик?

Глеб глянул на девушку через плечо задумчивым взглядом.

– Я, кажется, просил тебя не называть меня Глебчиком.

Девушка рассмеялась, перегнулась через Глеба, достала из пачки, лежащей на журнальном столике, сигарету и хмыкнула.

– Ну и зря. Тебе так идет это имя. – Она прикрыла глаза и повторила нараспев: – Глебчик.

Затем вставила сигарету в рот и прикурила от изящной зажигалки. Выпустила облако сизого дыма и с вызовом посмотрела на Глеба.

Корсак поднялся с кровати, надел брюки, подошел к креслу, поднял с него ворох женской одежды и протянул девушке.

– У тебя есть пять минут, – сказал он.

– А что потом? – усмехнулась девушка. – Застрелишь меня из своего травматического пистолета?

Глеб сдвинул брови и хмуро посмотрел на партнершу.

– Вот это взгляд! – воскликнула девушка в притворном восхищении. – Тебе никто не говорил, что ты похож на Роберта Паттисона?

Глеб поморщился. Девушка усмехнулась и махнула рукой с зажатой между пальцами сигаретой.

– Впрочем, – презрительно сказала она, – откуда тебе знать, кто такой Роберт Паттиссон. У тебя ведь здесь даже телевизора нет, а в кинотеатры ты не ходишь.

Глеб ничего на это не сказал. И тогда она заговорила снова:

– Я тебе уже надоела, да? Ты ждешь не дожدهшься, когда я оставлю тебя в покое? Только со мной так не выйдет. Я тебе не какая-нибудь дешевая шлюха.

Глеб снова поморщился, как от зубной боли.

– Думаешь, от меня можно так вот запросто отмахнуться? – продолжала блондинка. – Переспал пару раз – и до свиданья?

– Это звонил твой муж, – сказал Глеб. – Прошу тебя, оденься.

Девушка раскрыла было рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого вскочила с кровати, яростно вмяла дымящуюся сигарету в пепельницу и стала быстро одеваться.

Одевшись, она вытащила из сумочки расческу и причесалась. Ее хорошенькое лицо было искажено гневом.

– Иди, открой мне дверь! – процедила она сквозь зубы, одаривая Глеба таким взглядом, что, будь он куском стекла, он бы разлетелся вдребезги.

Глеб, ни слова не говоря, вышел в прихожую. Девушка направилась следом за ним.

На пороге квартиры она обернулась и с угрозой произнесла:

– Я это запомню, Глеб. Советую тебе почаще оглядываться по сторонам.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил ее Глеб. – Ты тоже под ноги смотри.

Девушка отвернулась и сбежала по ступенькам вниз. Глеб закрыл за ней дверь, посмотрел на свое отражение в зеркале, взъерошил ладонью волосы и хмуро произнес:

– Н-да.

Одевшись и выпив чашку крепкого кофе, он вышел в прихожую. Обулся, накинул плащ и повернулся к зеркалу. Лицо бледное, осунувшееся, под глазами фиолетовые тени, в глазах – усталость и скука. «Видела бы меня Маша», – подумал он вдруг.

При мысли о бывшей жене Глеб нахмурился, взял с полки связку ключей и, пребывая в самом мрачном настроении, вышел из квартиры.

2

Пресс-конференция «модного современного писателя Глеба Корсак» проходила в Центральном доме книги. Сам Глеб Корсак восседал за столом. Его каштановые, с серебрищейся прядкой, волосы были аккуратно причесаны, а глаза надежно упрятаны за темные стекла солнцезащитных очков.

Руку подняла журналистка из дамского журнальчика.

– Да, – кивнул Глеб.

Девушка поднялась с места и спросила немного свысока:

– Говорят, что у вас – как у писателя – наступил творческий кризис? Это правда?

– Спросите это у тех, кто говорит, – небрежно обронил Корсак.

– Значит, вы уже пишете новую книгу?

– Возможно.

– А нельзя ли поточнее?

Глеб хмыкнул:

– Вы хотите, чтобы я произнес монолог?

– А вы можете? – едко улыбнулась журналистка.

– Пожалуйста. – Корсак снял темные очки и положил их на стол. Взглянул на журналистку и сказал: – На свете все меньше вещей, которые могут выбить меня из колеи или заставить смутиться. Я научился без потерь переживать депрессии, душить в себе приступы меланхолии. Сдержанность и спокойное бесстрашие – вот что должно стать привычкой мужчины, переступившего сорокалетний порог. Я давно понял, что, например, давать нищему мелочь нужно не из жалости, а единственно потому, что так надо. Точно так же, как надо придерживать за собой дверь в метро, чтобы она не разбила лицо тому, кто идет следом. Этого требует закон необходимого приличия.

В первые секунды монолога журналисты замерли в удивлении. Теперь по их рядам пробежал недоуменный ропот.

– Я дожил, наконец, до такого возраста, – продолжил Корсак, не обращая внимания на недовольные лица, – когда в человеке начинаешь больше всего ценить не какие-то особенные таланты, обостренную чувственность или неординарные душевные качества, а элементарную порядочность. Порядочность в виде приобретенной с годами привычки. При этом, увы, не особенно надеясь встретить ее в каждом новом знакомом.

Глеб замолчал. Несколько секунд в помещении царил тишина, затем один из журналистов, корреспондент «желтого» издания, весело проговорил:

– Думаю, нас всех впечатлил ваш пафосный монолог. Но я хотел бы спросить вот что...

– Пресс-конференция окончена, – сказал Глеб, надел темные очки и поднялся со стула.

Журналисты снова недовольно зароптали. Представитель издательства вскочил вслед за Корсаком и тихо проговорил:

– Глеб Олегович, так нельзя. Они же черт знает что напишут в своих газетах.

– Пусть пишут, – сухо обронил Корсак.

Он выбрался из-за стола и пошел к выходу. Открыл дверь, вышел к коридору, закрыл за собой дверь, чувствуя облегчение, словно оставил журналистов не просто за дверью, а где-то за границами собственного существования. Сунув руку в карман, Глеб направился к месту для курения, но, ощутив пустоту в кармане, с досадой вспомнил, что оставил сигареты в пресс-зале, на столе.

Глеб остановился.

«Ну? – с усмешкой спросил он сам себя. – И какая еще неприятность произойдет сегодня?»

И, словно отозвавшись на вопрос, в кармане у него зазвонил мобильник.

– Лучше бы я оставил там телефон, – проворчал Корсак, доставая трубку. Затем прижал мобильник к уху и недовольно проговорил: – Слушаю.

– Глеб Олегович Корсак? – уточнил незнакомый голос.

Глеб отнял телефон от уха и глянул на дисплей. Отобразившийся номер был ему не знаком. Глеб снова прижал мобильник к уху:

– Он самый.

– Ваш дядя, Борис Алексеевич Корсак, умер.

– Что?.. Как умер?

– Сгорел, – отозвался скорбный голос. – Вместе с районным музеем, которым руководил.

Глеб перевел дух.

– Ясно.

– Похороны и поминки назначены на послезавтра. Всего доброго!

И незнакомый собеседник положил трубку. Опустив телефон, Глеб несколько секунд стоял неподвижно, потом вздохнул, сунул трубку в карман и зашагал к лифту.

3

Директор издательства «Русмир» Илья Игоревич Полонский просматривал деловые бумаги, когда в дверь постучали. Полонский оторвался от бумаг и громко сказал:

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появился Глеб Корсак.

– А, Глеб Олегович! – На толстом лице Полонского появилась улыбка. – Проходи, садись!

Глеб вошел в кабинет и сел на стул.

– Ну? – спросил он. – Зачем звал?

– Как дела? – спросил Полонский, придавая своему румяному одутловатому лицу выражение отеческой заботы.

– Все в порядке, – ответил Глеб и потянулся за сигаретами в карман. – У тебя можно курить?

– Нет, – ответил Полонский. – Я бросил, и тебе не советую. Курить вредно.

Глеб нахмурился и убрал руку из кармана.

– Не нравится мне твой вид, – заметил Полонский после паузы. – Ходишь бледный, осунувшийся... Ты, часом, не того... – Директор издательства легонько щелкнул себя пальцем по щеке. – Не злоупотребляешь?

– Только кефир, – сказал Глеб. – Да и то по большим праздникам.

– Смотри, – насмешливо погрозил ему пальцем Полонский. – Для некоторых вся жизнь – один сплошной праздник.

– Твоими бы устами, – усмехнулся Глеб.

Полонский согнал улыбку с губ – забота была проявлена, теперь можно было переходить к делу.

– Глеб, я слышал, скончался твой дядя в Калининграде, – не столько спросил, сколько констатировал Полонский.

– У тебя отличные источники информации, – сказал Глеб. – Только не в Калининграде, а в Полесске. Это маленький город.

– Поедешь? – напряженно глядя на Глеба, осведомился директор издательства.

– Нет.

– Зря.

Глеб в ответ лишь вяло пожал плечами.

– Глеб, ты понимаешь, что ситуация критическая?

– Ты о чем?

Полонский посмотрел Корсаку в глаза.

– Читатели ждут новый роман, Глеб. Продажи твоих книг только-только хорошо пошли, и в этой ситуации долгое отсутствие новинок губительно. В этом не заинтересовано ни издательство, вложившее в продвижение твоих книг значительные средства, ни ты как автор. Ведь от продаж напрямую зависят твои гонорары.

– Илья, чего ты от меня хочешь? – устало спросил Корсак.

– Я хочу, чтобы ты поехал на похороны дяди, – твердо произнес Полонский.

– Зачем тебе это?

Упитанное лицо директора чуть покраснело.

– Повторяю: это нужно не мне, это нужно тебе! – с легким раздражением ответил он.

– Что мне нужно? – уточнил Глеб.

– Новые впечатления! Толчок! Импульс! Все, что угодно, лишь бы ты приступил к написанию новой книги!

Глеб закинул ногу на ногу, посмотрел на носок своего ботинка и спокойно произнес:

– Я не хочу туда ехать.

Лицо директора побагровело еще больше.

– Тебе придется это сделать, – с нажимом сказал он.

Глеб перевел взгляд с ботинка на красное лицо Полонского и спокойно уточнил:

– Что это значит?

– Это значит, что в противном случае я разорву с тобой договор и потребую обратно аванс! – прорычал директор.

Глеб пожал плечами и небрежно обронил:

– Я не зарабатываю на личных трагедиях. В том числе и на своих. Это против моих принципов.

– А я не прошу тебя написать статью или заметку в газету! Это другое!

Глеб молчал. Полонский вынул из стаканчика карандаш и принялся вертеть его в пальцах. Пальцы у директора были короткие и толстые, под стать всей фигуре.

– Слушай, Глеб, не в службу, а в дружбу – съезди. Хотя бы на пару дней.

Глеб еще немного помолчал. Потом вздохнул и небрежно проговорил:

– Хорошо. Только из уважения к тебе и твоему издательству. Считаю, что я уже выехал.

– Отлично! – хлопнул ладонью по столу Полонский, откинулся на спинку кожаного кресла и добавил с радостной улыбкой: – Если начнешь писать книгу – все расходы за счет издательства.

4

Дорога лежала перед ним широкой серой лентой. Машин было мало, и Глеб с удовольствием выжимал из взятой напрокат в областном центре «бэхи» сто двадцать в час. Из приемника доносились негромкие звуки осовремененного джаза.

Корсак не был в Полесске лет двадцать пять. Он давно уже выбросил этот городок и все, что с ним связано, из головы, но сейчас, возвращаясь на «малую родину»...

Идиотское словосочетание. И кто только его придумал?

...не мог не испытывать некоторого волнения.

Миновав знак «Полесск, 8 км», Глеб свернул со скоростного шоссе на бетонку, ведущую к Полесску. Как бы Корсак ни старался убедить себя в том, что Полесск ничего больше не значит в его жизни, волнение нарастало тем сильнее, чем ближе он подъезжал к городу. В голову полезли воспоминания, заставив Глеба нахмуриться.

– Ерунда, – сказал себе Корсак. – Все это было давно и практически не со мной.

Он мотнул головой, словно попытался выбросить нежелательные воспоминания из головы, протянул руку к приемнику и сделал музыку погромче. Это была знаменитая композиция «Тэйк файв», но в довольно странной аранжировке – переработку сделала группа «Радиохэд», и звучала известная мелодия довольно нервно, что, впрочем, совершенно соответствовало настроению Глеба.

Музыкой и дорогой Глеб наслаждался еще пару минут, после чего на хвосте у него повисла полицейская машина, а еще через тридцать секунд она повелительно взвыла, принуждая Корсака прижать автомобиль к обочине и остановиться.

Глеб остановил машину и выключил радио. Из полицейской машины, остановившейся позади, вышел молодой светловолосый полицейский в форме ППС. Он неторопливо подошел к машине Глеба, остановился, пригнулся, чтобы лучше видеть лицо Корсака, и представился:

– Старший лейтенант Нечаев. Можно взглянуть на ваши документы?

– Легко.

Глеб достал из бардачка водительское удостоверение и страховочный талон и протянул все это полицейскому. Тот взял документы, внимательно их просмотрел. Уточнил:

– Отдыхать или по делам?

– На похороны родственника, – ответил Корсак.

– Родственника? – Он снова посмотрел на удостоверение Глеба, потом перевел взгляд на его лицо и спросил недоверчиво: – Вы родственник Бориса Алексеевича, директора нашего музея?

– Да.

Пару секунд полицейский о чем-то размышлял, подозрительно поглядывая на Глеба, затем поинтересовался:

– Надолго думаете задержаться?

– Нет, – честно ответил Корсак. – Как только церемония закончится, тут же уеду.

Глебу показалось, что мрачноватое выражение на лице полицейского сменилось выражением облегчения.

С чего бы это?

– Хорошо, – сказал полицейский, возвращая документы Глебу. – Приятного пути. И... примите мои соболезнования.

Глеб убрал документы в бардачок, кивнул полицейскому и тронул машину с места. Набирая скорость, он глянул в зеркальце заднего вида. Полицейский стоял на том же месте и, глядя вслед уносящейся к городу «бэхе», говорил с кем-то по мобильному телефону. Корсак почему-то подумал, что полицейский говорит о нем, и мысль эта была неприятна.

Еще немного, и ты станешь параноиком, Корсак.

Глеб включил приемник и сделал музыку погромче.

* * *

Гостиничный номер, в который заселился Глеб, был так себе. Стены обшарпанные, мебели почти никакой. Зато с видом на городской парк.

Распаковав сумку и поменяв рубашку на свежую, Глеб уселся в скрипучее кресло, взгромоздив ноги на полированный желтый столик, и минут двадцать наслаждался чтением местной газетки «Полесская правда», которую ему сунул на входе в гостиницу портье.

Просмотрев разделы «Криминал», «Стройки нашего города» и «Поздравления», Глеб зевнул и посмотрел на часы. До начала похоронной церемонии оставалось еще полтора часа. Немного подумав, Корсак решил спуститься в гостиничное кафе и чего-нибудь перекусить.

Пять минут спустя он сидел за столиком и ел «картошку с грибами по-домашнему», запивая ее клюквенным морсом. Картошка была приготовлена отменно, морс тоже был выше всяких похвал, и настроение Глеба чуть-чуть приподнялось.

– Глеб? – окликнул его вдруг женский голос.

Корсак отложил вилку и поднял взгляд.

– Да, – с легкой растерянностью ответил он, глядя на окликнувшую его светловолосую женщину. – А вы...

Ресницы ее дрогнули.

– Глеб, это действительно ты?

– Да, – повторил он и внимательнее вгляделся в лицо женщины. Брови его приподнялись от удивления. – Кира?

Женщина улыбнулась:

– Она самая. Что, так сильно изменилась?

– Изменилась. – Глеб вгляделся в лицо бывшей одноклассницы. – Но не сильно.

– Я присяду?

– Конечно.

Пока Кира Бегунова усаживалась на стул, Глеб успел заметить, что она почти не располнела, и что морщин у нее на лице гораздо меньше, чем могло бы быть у женщины, миновавшей сорокалетний рубеж. Одета Кира была в темную юбку и голубую кофточку из тонкой шерсти.

– А ты постарел, – сказала Кира, в свою очередь разглядывая Корсака. – И седая прядь в волосах. Но тебе идет. – Она снова улыбнулась. – Из молодого красавца ты превращаешься в импозантного мужчину средних лет.

– Да уж, – усмехнулся в ответ Глеб. – Импозантности во мне – как в замшелом пне.

Кира засмеялась. Глеб тоже не удержался от улыбки.

– Я рад тебя видеть, Кира, – сказал он.

– Я тебя тоже. Что тебя привело в наш городок, Глеб?

Корсак посчитал нужным стереть улыбку с лица.

– Приехал на похороны дяди, – сказал он.

– Ах да, я слышала. – Лицо Киры стало грустным. – Этот пожар... Это так ужасно! Знаешь, мы с ним иногда виделись, с твоим дядей. И он всегда заводил речь о тебе. Он очень тобой гордился, Глеб.

Корсак хмыкнул.

– Было бы чем!

– Не прибедряйся, Глеб. Говорят, ты стал известным журналистом.

На это Глеб не нашелся, что сказать. Не мог же он признаться, что журналистика давно набила ему оскомину, что он много раз делал попытки уйти из этой профессии, но каждый раз – по той или иной причине – вынужден был возвратиться.

– Ты надолго сюда?

– Да нет. Завтра уезжаю. Посижу часок на поминках – и на вокзал.

– Остался бы на пару дней, – сказала она негромким и, как показалось Глебу, странным голосом. – Погулял по городу, по памятным местам.

Корсак вздохнул:

– Не знаю... Немецкая земля, немецкий дух... Тут для меня все какое-то чужое.

– Даже я?

Глеб сдвинул брови. Кира рассмеялась.

– Не парься, я шучу. А если серьезно – я рада тебя видеть.

– Да. Я тоже рад. Кстати, а что ты тут делаешь? – весело уточнил Глеб. – Это ведь гостиница.

– Это кафе, – улыбнулась Кира. – И я – его хозяйка.

– Вот оно что!

– Да. Ты уже видел Эльзу?

Вопрос ошарашил Глеба своей неожиданностью.

– Эльзу? – растерянно переспросил он.

– Только не говори, что ты ее не помнишь. У вас ведь, кажется, был страстный роман перед тем, как ты уехал.

Кира посмотрела Корсаку в глаза, и он не выдержал, отвел взгляд.

– Я редко предаюсь воспоминаниям, – сказал он. – Тем более – воспоминаниям юности. Да я, наверное, и не узнаю ее при встрече. Она, должно быть, стала похожа на свою мать? Такая же толстая, седая и язвительная?

– Нет, – сказала Кира, по-прежнему разглядывая его. – Эльза неплохо сохранилась.

– Значит, ей повезло. – Корсак глянул на циферблат наручных часов. – Мне пора на церемонию.

Кира вздохнула:

- Да. Прости, что я не иду – не люблю похорон. Твой дядя был хорошим человеком.
- Вполне возможно, – сказал Глеб, поднимаясь из-за стола. – Спасибо за вкусный обед.

Увидимся.

- Обязательно.

Глеб кивнул Кире и зашагал прочь. Он чувствовал, что Кира, так же, как недавно полицейский, пристально смотрит ему вслед, и из-за этого ему было как-то не по себе.

5

Выйдя на улицу, Глеб остановился, раскрыл рот и полной грудью хватанул студеной осенний воздух.

Эльза!.. Неужели все это было в самом деле?... Да, было. И сколько проклятых месяцев и лет, сколько невероятных душевных усилий понадобилось ему тогда, чтобы выбросить Эльзу из памяти. Хорошо, что прошло так много времени. Чертовски хорошо! Но хватит ли их для того, чтобы старая, давно затянувшаяся рана не открылась вновь?!

- Корсак!

Глеб вздрогнул и обернулся. К нему небрежной походкой приближался высокий светловолосый парень с веснушчатым лицом. На вид ему было лет тридцать с небольшим, и серое модное полупальто сидело на его тощем теле, как мешок на жердине.

Парень остановился и окинул Глеба с ног до головы холодным, неприязненным взглядом.

- Не узнаешь? – сухо спросил он.

- Нет, – ответил Корсак.

- Сергей Бегунов. Брат девушки, которую ты бросил двадцать с лишним лет назад.

– Сергей? – Несмотря на жесткие слова парня, Глеб не удержался от улыбки. – Черт! Когда я видел тебя в прошлый раз, тебе было лет десять.

– Двенадцать, – хмуро поправил Сергей. – Но это не имеет значения. Какого черта ты тут делаешь?

- Где это «тут»?

- Возле кафе моей сестры.

- Вообще-то здесь гостиница. И я в ней остановился. Логично для приезжего, правда?

Светлые глаза Бегунова сузились.

- Умничаешь?

- Констатирую, – спокойно сказал Глеб.

Несколько секунд они стояли молча, оглядывая друг друга. Первым молчание прервал Корсак.

– Серег, – мягко начал он, – давай не будем начинать встречу со ссоры. Если ты сердишься на меня из-за твоей сестры...

– Заткнись, – прорычал Бегунов. – Я не собираюсь тебе ничего объяснять. Я просто хочу, чтобы ты держался от Киры подальше.

Взгляд Корсака похолодел.

- Не думаю, что это тебя касается, – спокойно сказал он.

- Мне плевать, что ты думаешь. Просто свали отсюда, пока зубы целы.

- Ты мне угрожаешь? – иронично уточнил Глеб.

- Понимай как хочешь.

Корсак улыбнулся, и, увидев эту улыбку, Бегунов побелел от гнева. Кулаки парня сжались, и он сделал шаг к Глебу.

– Спокойно, Серега, – осадил его Корсак. – Спокойно. Ты же не хочешь, чтобы нас с тобой забрали в полицию за драку? Я тоже. У меня похороны, и я не могу их пропустить.

– Свинья ты, Корсак! – выдохнул Бегунов. – Ты хоть знаешь, что после твоего отъезда она вены себе резала!

Глеб замер с открытым ртом. Потом растерянно моргнул и пробормотал:

– Я этого не знал.

– «Не знал», – презрительно передразнил Бегунов. – Да ты даже позвонить ей ни разу не удосужился. А ведь она тебя ждала. Долго ждала. И даже ехать к тебе собиралась.

Глеб молчал, как громом пораженный. Но продолжалось это недолго.

– Ладно, – сказал Глеб. – Ты сказал – я услышал. А теперь прости, мне надо идти. – Глеб тронулся с места, намереваясь обойти парня, но Бегунов снова встал у него на пути. Корсак становился. – Выпей валерьянки, – посоветовал он парню. – Или настойки пустырника. Говорят, помогает.

– Сразу после похорон ты отсюда свалишь, – сказал Бегунов. – И это не просьба.

Он отошел в сторону, давая Глебу пройти, а потом, так же, как полицейский из ППС, и так же, как Кира, долго смотрел ему вслед.

Настроение у Глеба было мрачное. Известие о том, что Кира пыталась покончить собой после их размолвки, случившейся больше двадцати лет назад, его поразило. Впрочем, не настолько, чтобы он впал в депрессию и бросился просить у Киры прощения. В конце концов, он тогда тоже сильно пострадал. И может быть, даже сильнее, чем Кира. И еще неизвестно, чье сердце было по-настоящему разбито, а кто из них троих просто ломал комедию.

Кира... Эльза... К черту все это!

Кажется, я окончательно превратился в циника.

Глеб мрачно усмехнулся и постарался выбросить известие о несостоявшемся самоубийстве Киры Бегуновой из головы.

6

Четверть века назад родители Глеба Корсака вынуждены были временно переехать в Полесск по причинам, которые сейчас могли показаться пустяковыми. Глеб провел в этом городе около года своей жизни. В ту пору он считал пребывание здесь чем-то вроде ссылки и без особой теплоты относился и к городу, и к его жителям.

Глеб всегда считал себя в Полесске чужим и без особых сожалений расстался с городом четверть века тому назад – с разбитым сердцем и тяжким грузом несбывшихся надежд.

И сейчас он чувствовал себя здесь таким же чужаком, как и раньше.

Глядя на восковое лицо покойника, Глеб вспомнил, что когда-то они неплохо проводили вместе время, разглядывая коллекции насекомых, гербарии, просматривая энциклопедии холодного оружия. Дядя Борис был отличным рассказчиком, и Глеб обожал слушать истории из его жизни. Многие истории были вымышленными (Глеб понимал это даже в детстве), но тем интереснее было следить за поворотами буйной дядиной фантазии, которая заводила его так далеко, что дядя Борис и сам часто казался удивленным.

...Возле гроба дяди Бориса стояли пожилые люди с лицами не столько печальными, сколько просто спокойными. Глеб знал, что похороны организовали какие-то приятели дяди. Вероятно, они сейчас и стояли возле «скорбного ложа».

У Глеба появилось острое чувство фальшивости всего происходящего, а вместе с ним и желание уйти отсюда.

Собственно, почему бы и нет? Никто ведь и не заметит.

Глеб решил, что этот план вполне осуществим, и собрался уже потихоньку повернуться, но в эту секунду рядом с ним появилась пожилая высокая женщина в черной шляпке с черной вуалью.

– Вы племянник Бориса Алексеевича? – тихо поинтересовалась пожилая дама.

- Да, – ответил Глеб.
- Почему же вы стоите здесь, а не у гроба?
- Я... не знаю.
- Идите, – шепнула пожилая дама. – Идите же!

И она легонько толкнула Глеба в спину. Делать было нечего, Корсак приблизился к гробу.

Борис Алексеевич Корсак лежал на своем скорбном ложе, как и принято покойнику, с величественным, строгим лицом. Ни удивления, ни страха, только горделивый покой. Словно за миг до смерти он увидел нечто такое, чего прочие, живые, и представить себе не могут, гордость за обладание новым знанием отобразилась на его лице.

Глеб вдруг вспомнил, как лет тридцать тому назад дядя Борис взял его с собой на немецкое кладбище.

День тогда был такой же пасмурный, как сегодня. Дядя, тогда еще молодой, легко загорающийся и любопытный до всего нового, приложил к надгробию кальку и стал заштриховывать ее мягким грифельным карандашом. Глеб с любопытством смотрел на то, как барельеф обретает на листе кальки грифельные контуры.

Барельеф был очень странный. Обычно на надгробных плитах был изображен ангел, иногда – Дева Мария с маленьким Иисусом на руках. А на этом камне была выбита голова какого-то звероподобного существа. На голове у существа не было ушей, а лицо (или скорее морда) было чуть вытянуто вперед.

- Кто это? – спросил Глеб у дяди, разглядывая таинственного монстра.
- Это? – Дядя улыбнулся. – Возможно, ангел.
- Он не похож на ангела, – усомнился Глеб.
- А ты видел ангела?

Глеб покачал головой:

- Нет.
- То-то же, – сказал дядя и продолжил работу.
- Зачем тебя это, дядь Борь? – спросил тогда Глеб.

– Люди вложили в это изображение душу и талант, – ответил дядя. – И свои представления о загробном мире. Если угодно – это визуальная метафизика. А значит – особый род искусства.

- И много у тебя таких картинок?
- Много. Сто сорок штук. Когда их будет двести – я попробую сделать книгу.
- И кому будет интересна такая книга? – скептически уточнил Глеб.

Дядя улыбнулся и ответил:

- Вероятно, таким чудачкам, как я.

И сейчас, тридцать лет спустя, Глеб подумал, глядя на бледное лицо дяди: «Что ж, теперь ты и сам станешь частью этого «особого искусства».

- Можно закрывать? – тихо спросил у Глеба кто-то.
- Да, – машинально ответил он.

Какие-то мужчины накрыли дядю красной крышкой, а затем, включив шуруповерты, с отвратительным и неуместным жужжанием прикрутили крышку к гробу.

...Окончательно все закончилось минут через пятнадцать. Глеб стер с рук платком налипшую грязь (пришлось бросить в могилу пригоршню земли), протолкался сквозь толпу и торопливо двинулся прочь от холмика, заваленного пластиковыми венками.

- Молодой человек! – окликнул его кто-то.

Глеб остановился и обернулся. Это была пожилая дама в старомодной шляпке с вуалью. Пожилой седовласый мужчина в алюминиевых очках, одетый в темный костюм и белую рубашку, поддерживал ее за локоть.

- Вы ведь придете на поминки? – спросила дама.

Глеб замешкался с ответом, и пожилая дама твердо и не без упрека в голосе проговорила:
– Вы должны прийти. Таковы правила. Поминки будут в кафе «Ромашка». Это рядом с домом вашего дяди.

Глеб растерянно кивнул, повернулся и быстро зашагал прочь, унося в душе тягостное чувство пугающей противоестественности всего происходящего.

Лишь забравшись в машину и захлопнув за собой дверцу, Корсак почувствовал небольшое облегчение.

7

Пожилая дама, с которой Глеб беседовал на кладбище, оказалась рядом с ним и на поминках. Корсак сидел от нее по левую сторону, а по правую – тот самый пожилой джентльмен, который держал ее за локоток на кладбище.

На этот раз дама подняла вуаль на шляпке, и Глеб, искоса ее разглядывая, отметил, что на морщинистом лице дамы остались некоторые признаки настоящей благородной красоты. Должно быть, когда-то она была сногшибательно красива, подумал Глеб.

Кто-то из гостей поднялся и предложил всем сказать несколько слов о почившем. Желающие тут же нашлись. Все это были люди пожилые, невзрачные, и Глебу они казались на одно лицо. Говорили о том, что почивший был хорошим и приличным человеком, о том, что он никому не сделал зла, и все в таком же духе.

Глеб послушно подносил ко рту рюмку с водкой после каждого такого «поминального слова», и после третьей рюмки почувствовал, что начал потихоньку хмелеть.

– Глеб... – обратилась вдруг к нему пожилая дама. – Вас же зовут Глеб?

Корсак кивнул в знак согласия.

– Глеб, скажете о Борисе Алексеевиче несколько слов?

– А это обязательно? – уточнил Корсак.

Дама посмотрела на него с легким упреком:

– Вы ведь его самый близкий родственник.

– Ладно.

Глеб поднялся на ноги и негромко постучал вилкой по рюмке. Все присутствующие повернули головы в его сторону и приготовились слушать.

– Больше всего на свете, – начал Глеб, – мой дядя любил сидеть по вечерам в своем кресле на крыльце, потягивать коньяк и читать своих любимых немецких романтиков. Гете, Шиллера... – Глеб усмехнулся. – Если честно, я никогда не понимал этой его любви к немцам. Мне они казались слишком пафосными, формальными и фальшивыми. Но речь сейчас, конечно, не об этом. Мой дядя был хорошим человеком. И он не заслужил такой страшной смерти. Пусть земля ему будет пухом!

Глеб залпом выпил водку и сел на место. Гости тоже выпили.

Пожилая дама, сидящая рядом с Глебом, тихо шепнула:

– Вы молодец.

После нескольких рюмок водки в кафе возникло некоторое оживление. Люди, разбившись на компании, как это часто бывает на многочасных посиделках, заговорили друг с другом на отвлеченные темы. Кто-то, забывшись, принимался рассказывать соседям анекдоты, и выражение скорби на некоторых лицах сменялось выражением хмельной веселости. Впрочем, весельчаков тут же беззлобно одергивали, и они снова нацепляли на лица приличествующие мины. Но ненадолго.

Пожилая дама, сидящая рядом с Глебом, с любопытством у него поинтересовалась:

– Вы правда писатель?

– В некотором роде, – неохотно ответил Корсак.

Пожилая дама, тоже уже немного захмелевшая от водки (а она пила водку, как и Глеб), пару секунд помолчала, а потом негромко продекламировала:

Пред сторожем в полночь рядами могил
Погост распростерся в молчанье,
И месяц на плитах холодных застыл
В холодном и чистом сиянье.
Но вот под крестом оживает мертвец...

– Не надо, – прервал ее Глеб, поморщившись.

Пожилая дама замолчала и посмотрела на него с легким удивлением.

– Вы не любите немецкую литературу?

– Я не люблю Гете.

– Надо же, – удивилась она. – А ваш дядя его обожал. Выходит, он не имел на вас литературного влияния?

– Знаете, – неохотно произнес Глеб, – мы с ним много лет не общались.

– Много?

– Да. Двадцать пять лет. Лишь изредка перезванивались.

На лице пожилой дамы появилось удивление.

– Надо же. Четверть века! Но ведь вы еще так молоды.

– Это только кажется, – усмехнулся Глеб. – На самом деле я почти старик.

– Не наговаривайте на себя. Сколько вам? Тридцать пять? Тридцать восемь?

– Скоро сорок два.

– Для мужчины это не возраст.

– Для некоторых женщин – тоже. Некоторые женщины и в семьдесят лет вполне привлекательны.

Старуха фыркнула:

– Это точно не обо мне. Но спасибо за изящный комплимент.

– Простите, мне надо выйти покурить.

На улице похолодало. Северный ветер шелестел ветвями, покрытыми молодой, недавно пробившейся листвой.

– Не помешаю? – услышал Глеб чей-то негромкий хрипловатый голос.

Он обернулся и увидел седовласого джентльмена в алюминиевых очках и с сигаретой в руке.

– Не помешаете, – сказал Глеб.

Мужчина встал рядом и закурил.

– Скверная привычка, – сказал он, глядя на тлеющий кончик сигареты. – Когда-нибудь она загонит меня в гроб.

– Так бросайте, – небрежно обронил Глеб.

Пожилой джентльмен улыбнулся:

– Пробовал. Не получается.

Несколько секунд они курили молча, потом мужчина заговорил снова.

– Меня зовут Юрий Петрович Клинков, – сказал он. – Я местный библиотекарь.

– Очень приятно, – сказал Глеб, поглядывая на затягивающие небо тучи.

– Ваш дядя жил один и мало с кем общался, – сказал библиотекарь. – Хотя и буквой он никогда не был. Всегда вежливый, чисто одетый... Разве что немного рассеянный. Как будто постоянно о чем-то думает. О чем-то таком, что совершенно не имеет отношения к нашей жизни.

Глеб ничего на это не сказал.

– Вы знаете, что ваш дядя писал роман? – спросил Юрий Петрович.

– Да. Он мне что-то про это говорил. Года полтора назад, по телефону.

– Он читал мне отдельные куски. Знаете, я, конечно, не литературный критик, но, по моему, написано было очень неплохо. По крайней мере, живо. Вы не читали?

Глеб покачал головой:

– Нет. В последнее время я мало читаю. Знаете, как в анекдоте: «Чукча не читатель, чукча – писатель».

Библиотекарь улыбнулся бледными, чуть тронутыми сеточкой морщин губами. Немного покурив молча, затем негромко произнес:

– Я слышал, между вами и вашим дядей произошла какая-то ссора?

– Было дело, – сказал Глеб. Он выпустил изо рта колечко табачного дыма, посмотрел, как оно расплывается в воздухе, и добавил с усмешкой: – Я думал, что моя дядя – благородный рыцарь, а он оказался обычным проходимцем.

– Он влюбился в вашу маму, верно?

Глеб покосился на библиотекаря, тот покраснел и смущенно поправил пальцем очки:

– Извините, я не должен был...

– Да нет, все верно. – Глеб пожал плечами: – Этот чудак полюбил мою маму и почему-то вообразил, что может добиться от нее взаимности.

– Этот конфликт стал причиной вашего отъезда из Полесска? – осторожно уточнил Юрий Петрович.

– В некоторой степени, – нехотя ответил Глеб.

Юрий Петрович кивнул и вдруг встрепенулся.

– Ах ты, черт... – Он достал что-то из кармана пиджака и протянул Глебу: – Возьмите.

– Что это? – не сразу понял Глеб.

– То, что должно принадлежать вам.

Глеб взял протянутый Клиновым предмет. Это была курительная трубка – очень старая, почти древняя, с золотым мундштуком и костяной чашей, вырезанной в виде головы дьявола.

– Ваш дядя отдал ее мне за несколько дней до своей гибели, – сказал библиотекарь. – И попросил, чтобы я передал ее вам.

Глеб потер пальцами едва заметную трещинку на костяной чаше, погладил прохладный мундштук.

– Когда-то она принадлежала вашему деду, – сказал Клинов. – А тому досталась от его деда. Теперь она ваша.

Глеб повертел трубку в пальцах, не зная, что с ней делать, потом пожал плечами и сунул трубку в карман плаща.

На крыльцо вышла пожилая дама в шляпке с вуалью.

– Юрий Петрович, вы идете? – строго осведомилась она, ревниво посмотрев на Глеба.

– Да, Аделаидочка. – Он швырнул зловонный окурок в урну. – Приятно было с вами познакомиться, Глеб.

– Мне тоже, Юрий Петрович.

Библиотекарь кивнул Глебу и подставил руку «колечком» пожилой даме. Она взяла его под локоть, и оба удалились.

«Надо уезжать, – думал Корсак, шагая к гостинице. – И чем быстрее, тем лучше».

Родной когда-то город казался ему чужим. Знакомых лиц не было вообще. Кира... Мысли о ней снова начали тревожить Глеба. Эльза... Едва он вспомнил ее, как сердце его сжалось от тоски.

«Надо же, – с удивлением и горечью подумал Корсак. – Оказывается, все это еще живо... Уезжать! Уезжать как можно скорее!»

Подходя к гостинице, Глеб снова сунул руку в карман и достал сигареты. Краем глаза Глеб заметил, что из кармана его что-то выпало. Он остановился и опустил взгляд. На земле лежал сложенный вдвое листок бумаги. Глеб нагнулся и поднял его. Повертел в пальцах, затем развернул.

Надпись, отпечатанная на пишущей машинке, гласила:
«ВАШЕГО ДЯДЮ УБИЛИ».

8

Час спустя Глеб должен был мчаться на своей «бэхе» по пустынному скоростному шоссе. Но вместо этого он стоял возле двери кабинета, к которой была прикручена золотистая табличка с надписью: «Игорь Васильевич Кочетков, подполковник, начальник отдела».

Глеб постучал в дверь, подождал, пока из-за нее донесется «да!», затем нажал на ручку. Дверь открылась, и он вошел в кабинет.

В глубине большого кабинета, за коричневым пластиковым столом, уставленным компьютерами и факсами, сидел маленький человечек в полицейской форме, с бледным усталым лицом и гладко зализанными назад черными волосами. На тугих погонах у него поблескивали подполковничьи звезды.

Человечек взглянул на Глеба и широко улыбнулся, блеснув золотыми зубами. Однако в улыбке его не было ничего радостного.

– Здравствуйте, Игорь Васильевич! – поприветствовал его Глеб. – Я вам звонил полчаса назад. По поводу моего дяди, директора музея.

– А, да-да. Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь! – Подполковник Кочетков широким жестом указал на кресло. Затем дождался, пока Глеб усядется, и продолжил все с той же вежливой златозубой улыбкой: – Слышал, слышал о вашем приезде. И рад познакомиться с вами лично.

– Слышали? – удивился Глеб. – От кого?

– Да уже весь город в курсе. Вы же, в некотором смысле, знаменитость из Москвы. Известный писатель, и вместе с тем – выходец из нашего города. Мы вами гордимся.

– Правда? – Глеб иронично прищурился. – Что, вы и книги мои читали?

– А как же! Ну, то есть, я-то не читал, все, знаете, времени не хватает. А вот моя жена – ваша большая поклонница. Кстати, нет ли у вас с собой книжечки, чтобы подписать? Жена была бы рада. Автограф знаменитости, и все такое.

– Нет, книги у меня при себе нет.

– Жаль. – Кочетков вздохнул. – Ну-с, так что же вас ко мне привело, Глеб Андреевич?

– Олегович.

– Что?

– Глеб Олегович.

Подполковник Кочетков кивнул:

– Ну, да. Так чем обязан?

Глеб пару секунд помешкал, не зная, с чего начать, и понимая, что его слова не вызовут восторга у начальника полиции.

– Я тут на поминках познакомился с некоторыми жителями города... – начал Глеб.

– Наверное, с Аделаидой Рудольфовной? – уточнил вдруг Кочетков.

– Э... Да.

– Не удивляйтесь моей осведомленности. Просто госпожа Краузе у нас что-то вроде вездесущего Фигаро. Она и там, она и сям. Она везде. – Кочетков хихикнул. – А вообще, она знатная старушенция, – сказал он затем.

– В каком смысле? – не понял Глеб.

– Она не просто старушка – «божий одуванчик». Богатая пенсионерка, рантье, меценатка.
– Откуда же у нее все это?

– Лет двадцать назад она доказала в областном суде, что несколько домов в городе принадлежали до мировой войны ее деду – Отто фон Краузе. И ей их отдали в аренду на пятьдесят лет. А она их сдала под магазины и рестораны.

– Ясно. – Глеб понял, что заходить издалека не стоит и лучше сразу взять быка за рога. – Игорь Васильевич, я пришел, чтобы поговорить о гибели моего дяди, Бориса Корсака.

– Так, – кивнул подполковник Кочетков, внимательно и приветливо глядя на Корсака.

– Я бы хотел знать... – Глеб сбился. – То есть... Я хотел бы вас спросить. Вы уверены, что пожар в музее стал результатом несчастного случая?

– Абсолютно, – с готовностью ответил подполковник Кочетков. – Мы не обнаружили следов поджога.

– Но...

– Я понимаю вашу обеспокоенность. Ведь вы потеряли близкого человека. Кстати, примите мои искренние соболезнования.

– Спасибо. Но мне сказали, что никакого следствия по факту пожара практически не было.

Кочетков чуть прищурил прозрачные глаза.

– Кто сказал? – сухо уточнил он.

– Ну... – Глеб пожал плечами. – В городе люди много об этом говорят.

– А вы поменьше слушайте тех, кто распространяет сплетни, – посоветовал подполковник.

– Вы открыли уголовное производство?

– Нет, это не понадобилось.

– Почему?

– По заключению пожарно-технической экспертизы, пожар в музее стал результатом неосторожного обращения с огнем. Так что, у нас не было причины открывать уголовное производство. Надеюсь, я все доходчиво объяснил?

– То есть, вам удалось точно установить причину возгорания?

– На все сто. В городе из-за сильного ветра и разрыва проводов были перебои с электричеством. Ваш дядя, царство ему небесное, зажег керосинку. А потом заснул. Порыв ветра распахнул створку окна, створка сбила керосинку с подоконника. Керосинка упала на пол, огонь перекинулся на шторы и ковер. Ну, а дальше – как водится.

– И у вас есть соответствующее заключение экспертов?

– В данный момент готовится.

Глеб взгляделся в лукавые глаза подполковника.

– А там вообще были специалисты? Они осматривали пепелище?

– Конечно! – Кочетков улыбнулся, сверкнув золотом зубов. – Мы послали туда целый взвод наших лучших криминалистов!

Глеб холодно прищурился.

– Не думаю, что смерть моего дяди – повод для шуток, – спокойно сказал он.

Подполковник Кочетков примирительно приподнял руки:

– Тушэ. – Затем опустил руки и объяснил усталым голосом: – Глеб Олегович, я сам, лично, был на пепелище. Там все невооруженным глазом видно. Да и не на что там особенно смотреть. Руины, обугленные балки, кирпичи, почерневшие от копоти... Сам черт ногу сломит.

– Ясно. Значит, тщательный осмотр специалистами не проводился.

Начальник полиции поморщился.

– Ну, вот! Опять вы за свое. Так сказать, со своим московским уставом в наш монастырь. Глеб Олегович, раскрывать преступления – моя работа. И уж поверьте старому менту – в случае с вашим дядей никакого преступления не было. – Он глянул на часы и добавил: – Мне пора на совещание. Если у вас все...

Глеб поднялся на ноги.

– Спасибо, что согласились поговорить, – вежливо сказал он.

– Рад был с вами познакомиться. Кстати, а вы когда в Москву собираетесь?

Глеб пожал плечами:

– Еще не знаю.

– Когда узнаете – сообщите, ладно?

– Зачем?

Кочетков вновь одарил Глеба златозубой улыбкой:

– Моя жена наверняка пожелает с вами встретиться. Подписать у вас книжку, поговорить. Вы не думаете у нас задержаться?

– Разве что на день или два, – сказал Глеб.

– Вот и отлично! Тогда жду вашего звонка. – Подполковник Кочетков поднялся и протянул Глебу руку. – Всего доброго!

– Всего доброго.

Корсак пожал руку подполковника. Она была прохладная и влажная.

9

Шагая от отделения полиции, Корсак глубоко задумался. Слова подполковника Кочеткова звучали логично, но вот тон, каким они были произнесены, наводил на размышления. Уж очень много было в этом тоне фальшивых ноток.

Глеб вспомнил, каким взглядом смотрел на него пэпээсник. Смесь настороженности, интереса и неприязни. У подполковника Кочеткова был такой же точно взгляд.

«Интересно, дядя успел дописать свою книгу? – подумал вдруг Глеб. – А если успел, то где она сейчас? И о чем она?»

Размышляя об этом, Глеб не сразу заметил женщину, вышедшую из-за угла с пакетом в руке. А когда заметил, было уже поздно. От толчка женщина пошатнулась и выронила пакет.

– Ай! – испуганно воскликнула она.

Глеб увидел, как из упавшего пакета выпали и раскатились по тротуару апельсины. Оранжевые на сером.

– Черт! – с досадой проговорил он и поднял взгляд на женщину. – Простите, пожалуйста. Вы не ушиб...

Фраза осталась незаконченной. Перед Глебом стояла темноволосая, зеленоглазая молодая женщина. На ней были длинное приталенное пальто и элегантная шляпка. Глеб смотрел на нее всего несколько секунд, однако хватило и этого. Сердце у него защемило. Отчего-то показалось, что жизнь – со всеми ее горестями и удачами – прошла мимо, потому что в ней не было ничего подобного этой женщине, словно бы сотканной из прохладного майского воздуха, наполненного ароматами свежих листьев и цветов.

– Простите, – снова пробормотал Глеб.

Затем нагнулся и принялся собирать рассыпавшиеся апельсины в пакет. Собрал, выпрямился и протянул женщине:

– Вот, держите.

– Спасибо, что помогли, – с улыбкой сказала она, принимая пакет. А потом посмотрела на него внимательнее и задумчиво проговорила: – У вас знакомое лицо. Мы с вами уже где-то виделись?

– Да, – сказал Глеб. – Только это было очень давно.

Женщина чуть прищурила зеленые глаза. Глеб ее не торопил. В нем вдруг заговорило мужское честолюбие, и ему стало до боли интересно, вспомнит она его или нет.

– Боже... – тихо обронила она. – Неужели...

И снова выронила из пальцев пакет с апельсинами, и они снова покатались по серому асфальту, но она не обратила на это внимания, а шагнула к Глебу, порывисто обняла его за плечи и прильнула к его губам в коротком, дружеском поцелуе.

– Я... – Глеб понял, что не может говорить. Слишком сильно забилося его сердце, отдаваясь дрожью в голосе.

– Глеб! – с радостной улыбкой выдохнула Эльза. – Это ведь ты!

– Я, – улыбнулся Корсак.

– Слушай! – снова заговорила она. – Тут рядом есть очень уютное кафе! Не хочешь выпить по чашке кофе и поболтать?

– С удовольствием, – сказал Глеб. – Только давай сначала соберем апельсины.

Эльза посмотрела на апельсины, потом снова на Глеба и фыркнула от смеха.

– Давай!

На этот раз они оба присели на корточки и принялись весело собирать рассыпавшиеся оранжевые шары, и Глеб поймал себя на том, что сейчас, в эту самую секунду – как бы глупо это ни было – он чувствует себя таким счастливым, каким не был уже много-много лет.

* * *

– Ну, что тебе рассказать про себя... – Эльза повертела на столе кофейную чашку длинными, тонкими пальцами. – Дважды была замужем. Детей не нажила. Зато в финансовом плане проблем нет.

– В былые времена финансы тебя мало интересовали, – заметил Глеб.

– Ну... – Она пожала стройными плечами. – Тогда я была другой.

«Интересно, правда ли это?» – подумал вдруг Корсак, глядя на лицо Эльзы, на ее красиво очерченные губы, на ее глаза, в которых двадцать пять лет назад он бы с радостью утонул.

Взгляд Глеба вдруг упал на ее левую руку, и он с удивлением понял, что на руке у Эльзы все еще надета бежевая перчатка. И сама эта рука показалась ему какой-то странной. Эльза заметила его взгляд, и левая рука ее дрогнула, словно Эльза попыталась машинально убрать ее, спрятать под стол, но потом вдруг передумала.

– Обо мне говорить неинтересно, – сказала Эльза, чуть сдвинув стрельчатые брови. – Лучше расскажи о себе. Как ты? Где ты? Мне кто-то говорил, что ты работаешь журналистом?

– Было дело, – сказал Глеб. – Но с журналистикой покончено. Стар я уже для того, чтобы бегать по городам и весям с микрофоном и блокнотом наперевес.

– И чем же вы теперь занимаетесь, дедушка? – с улыбкой поинтересовалась Эльза.

– Ты будешь смеяться, но я писатель. Сажу за столом, описываю все, что видел или хотел бы увидеть. Свою людей на листе бумаги, развожу их, заставляю страдать и радоваться. Практически, работаю богом. Только очень мелкого пошиба, – с улыбкой добавил Глеб.

Эльза посмотрела на него задумчивым взглядом и неопределенно проговорила:

– Значит, писатель.

– Да, – кивнул Глеб.

– Интересно. И о чем же ты пишешь? О том, что люди прекрасны и мир стоит того, чтобы жить?

– Иногда. Но чаще о том, что наш мир – жутковатое и опасное место. И еще о том, как в нем выжить.

Глеб взял свою чашку, но вдруг замер, на лице его появилось страдальческое выражение.

– Что случилось? – насторожилась Эльза.

– Хондроз, – негромко ответил Глеб и, морщась от боли, чуть-чуть подвигал головой направо и налево. – Результат одного неосторожного падения в ледяную воду. Мучаюсь уже второй год.

– Ты слишком напряжен, – сказала Эльза. – Тебе нужно расслабиться.

Она поставила чашку и поднялась со стула, обошла стол и встала у Глеба за спиной.

– Закрой глаза, – с улыбкой попросила Эльза.

Глеб полной грудью, но незаметно вдохнул запах ее духов и подумал, что именно так должна пахнуть настоящая весна.

– Ну же, – поторопила Эльза.

Глеб быстро глянул по сторонам. Некоторые посетители ресторана уже стали коситься в их сторону.

– Эльза, я... – начал было он, но Эльза перебила:

– Доверься мне, я умею обращаться с мужчинами. У меня очень умелые руки. Обе, – добавила она с усмешкой.

– Ладно. – Глеб вздохнул и закрыл глаза.

Он почувствовал, как легкие руки Эльзы легли ему на плечи. С полминуты она массирует ему плечи и шею осторожными, мягкими движениями. Потом остановилась, наклонилась к самому уху Глеба и прошептала:

– Тебе хорошо?

– Да, – тихо ответил Глеб.

– Я рада.

Губы Эльзы скользнули по его щеке, а потом чуть коснулись краешка его рта. По спине Корсака пробежал озноб. Эльза выпрямилась и еще немного помассировала ему плечи, действуя уже более решительно.

– Ну как? – спросила она затем. – Ну-ка, подвигай плечами.

Глеб открыл глаза и пошевелил плечами и головой.

– Отлично, – сказал он почти удивленно. – Боль ушла. Ты просто волшебница!

– А может, ведьма? – Эльза тихо засмеялась и убрала руки с его плеч. – Мне пора идти, Глеб, – сказала она. – Слушай, нам надо еще раз встретиться и подробно обо всем поговорить. Ты вообще к нам надолго?

– Пока не знаю, – сказал Глеб.

Эльза подошла к своему стулу, достала из сумочки, висящей на спинке стула, ручку, потом взяла салфетку и написала на ней номер телефона. Протянула Корсаку:

– Позвони мне, ладно?

– Ладно, – кивнул Глеб, забирая салфетку и пряча ее в карман пиджака.

Эльза наклонилась, быстро поцеловала Глеба в щеку, со смехом вытерла с нее ладонью помаду, подхватила со стула сумочку и пакет с апельсинами, повернулась и быстро вышла из кафе.

Глеб с минуту сидел неподвижно, прислушиваясь к своим ощущениям и чувствам и стараясь понять, чего в них больше – горечи или счастья. Потом вздохнул, подозвал официанта и заказал еще одну чашку кофе.

10

Библиотекарь Клинков, казалось, совершенно не удивился, увидев перед собой Глеба. Он стоял за стойкой, на фоне стеллажей с книгами, копался в каких-то формулярах и казался живым олицетворением бога чтения – если таковой бог, конечно, существует.

– Вы сказали, что были приятелем моего дяди? – с ходу начал Глеб.

– Это правда, мы с ним приятельствовали, – согласился библиотекарь.

– Можно задать вам пару вопросов?

Юрий Петрович опустил голову и глянул на Глеба поверх очков серыми, внимательными глазами.

– Смотря каких.

– Вы, вероятно, часто беседовали с моим дядей. Скажите, ему в последнее время никто не угрожал?

Клинков приподнял брови:

– А кто ему мог угрожать?

– Не знаю. Вы скажите.

Юрий Петрович вздохнул и произнес с кроткой полуулыбкой:

– Ваш дядя был безобиднейшим человеком. Добрый, спокойный, хотя и не очень контактный. Да, возможно, музейные экспонаты были ему ближе живых людей, но он никогда и никому не делал и не желал зла. Он просто занимался своим делом.

– И посвящал этому все свое время?

– Ну, да. – Библиотекарь поправил пальцем очки. – Видите ли, музей наш был небольшой. Но фонды у него были очень обширные. Выставлялось не больше пятнадцати процентов экспонатов.

– Почему?

– По разным причинам. Во-первых, не было места. Во-вторых – средств. Требуется каталогизация, реставрация, ну и так далее. А уже лет сорок никого в городе не интересуют ни запасники музея, ни сам музей.

– И мой дядя пытался исправить эту ситуацию?

Клинков кивнул:

– Именно так. Последние полтора года он выбивал у администрации города новое помещение под музей. И одновременно взялся разгрести запасники. Действовал практически в одиночку, поскольку на то, чтобы нанять специалистов, у музея просто не было средств.

– А что находится в этих запасниках?

– Как – что? Экспонаты.

– Я понимаю. Но... там есть что-то действительно ценное?

Юрий Петрович вновь поправил пальцем очки и ответил с легкой полуулыбкой старшего наставника, который вынужден объяснять своему ученику элементарные вещи:

– С точки зрения истории нашего города и нашей земли эти экспонаты бесценны.

– Ну, а что конкретно там есть? – не унимался Глеб.

– Ну... – Клинков пожал сутуловатыми плечами. – Картины наших художников, предметы народного промысла, разные артефакты... В общем, то, что обычно бывает в районных музеях.

– Очень интересно, – сказал Глеб. – Я бы хотел взглянуть на эти экспонаты.

Библиотекарь уставился на Корсака удивленным взглядом.

– Так ведь они же сгорели, – негромко проговорил он.

– Сгорели?

– Да. Вместе с музеем. Я думал, вы в курсе.

Глеб нахмурился.

– Ясно. – Несколько секунд он обдумывал полученную информацию, затем уточнил: – А где конкретно находились эти запасники?

– В подвале музея.

– Там был большой подвал?

Клинков интеллигентно улыбнулся:

– О, да. – Затем снял очки, вынул из кармана платок и потер стеклышки. – Знаете, – с прежней, интеллигентно-задумчивой улыбкой добавил он, – ваш дядя был уверен, что подвал музея является частью Роминтского лабиринта. Ну, то есть, являлся.

Юрий Петрович снова водрузил очки на хрящеватый нос и посмотрел на Глеба сквозь мерцающие линзы.

– Борис даже утверждал, что у него есть доказательства. Якобы он отыскал план лабиринта в какой-то городской летописи.

– А что это за Роминтский лабиринт? – с интересом уточнил Глеб.

– А вы не знаете?

Глеб мотнул головой:

– Нет.

– Лет четыреста назад на территории нашего города было поселение. Оно часто подвергалось нападению врагов. И однажды его глава принял решение вырыть под поселением несколько тоннелей, по которым можно было бежать в лес. Когда люди стали рыть тоннели, они с удивлением обнаружили, что там уже есть что-то вроде системы подземных тоннелей. Причем – обложенных для прочности каменной кладкой.

– Откуда же они взялись, эти тоннели?

– А вот об этом история умалчивает. Борис занимался и этим вопросом. По его мнению, эти тоннели могли быть древними системами орошения. Возможно, потом их перестраивали, создавая подземные хранилища, ну, или секретные ходы для быстрой эвакуации. Люди на нашей земле воевали веками и тысячами, так что удивляться не приходится. С годами и столетиями сеть тоннелей разрасталась. Лет пятьдесят назад один из местных краеведов назвал эту сеть тоннелей Роминтским лабиринтом. В честь Роминтской роши, в которую многие из ответвлений этого лабиринта выводят.

– Интересно, – проговорил Глеб, поскребывая в задумчивости ногтем горбинку на носу. – А эти тоннели точно существуют? Вы их видели?

– И я, и другие жители. Люди часто наталкиваются на фрагменты каменной кладки. В основном, когда роют погреба и колодцы или пробивают скважины для добычи воды. – Библиотекарь мягко улыбнулся. – Ваш дядя, Борис Алексеевич, считал Роминтский лабиринт местной достопримечательностью. И даже ратовал за то, чтобы лабиринт попал в список ЮНЕСКО.

– Очень интересно. – Глеб немного поразмыслил. – Значит, мой дядя был уверен, что подвал музея – часть подземного лабиринта?

– Не знаю насчет уверенности, но мысли у него такие были.

– И он проводил в этом подвале много времени?

– Думаю, что да.

– Быть может, ему удалось обнаружить какие-то ходы, которые вели из подвала... к черту на кулички?

Клишков усмехнулся.

– Вот в этом я сомневаюсь. Хоть убейте, но не могу представить вашего дядю с лопатой или отбойным молотком в руках. Да у него на это и времени-то не было. Он ведь занимался экспонатами, а не исследованием подземных стен.

– Ну да, – согласился Глеб. – Скажите, Юрий Петрович... а как у вас со здоровьем?

– То есть? – не понял Клишков.

– Что, если мы с вами наведаемся на пепелище музея?

– Зачем?

– Осмотрим там все. Может, наткнемся на что-нибудь интересное.

В глазах пожилого библиотекаря появилось недоверие.

– Вы серьезно?

- Да.
- Что ж... Лазить по развалинам я, конечно, не стану. Но проводить – провожу. Ну, и помогу... чем смогу.
- Хорошо. Тогда, быть может, прямо сейчас?
- Юрий Петрович посмотрел на формуляры, которые держал в руках, потом поднял взгляд на Корсака и виновато проговорил:
- Нет, сейчас я не могу. Есть кое-какие дела. Может быть, позже.
- Когда?
- Ну... – Библиотекарь пожал плечами. – Часа через полтора.
- Хорошо. – Глеб глянул на циферблат наручных часов. – Тогда через полтора часа я жду вас возле сгоревшего музея. До встречи!

11

Глеб подошел к барной стойке, уселся на высокий стул, кивнул молодому черноволосому бармену и сказал:

- Водку с тоником, пожалуйста. И половинку лимона, если есть.
- Найдем, – весело отозвался бармен, кивнув в ответ.
- Смешивая коктейль, он приветливо поинтересовался:
- Приезжий?
- Да, – сказал Глеб.
- Что позабыли в наших унылых краях?
- Приехал на похороны родственника.
- Бармен поставил готовый коктейль на стойку и бросил туда щипчиками несколько кусков льда.
- Столько хватит? – уточнил он.
- Вполне. – Глеб взял стакан. – Ваше здоровье!
- Отсалютовав бармену стаканом, Корсак отпил большой глоток.
- А вы откуда приехали? – поинтересовался бармен.
- Из Москвы, – ответил Глеб.
- Бармен присвистнул.
- Круто! А правда говорят, что у вас там без ста тысяч в кармане на улицу лучше не выходить?
- Это почему же?
- Ну... – Бармен пожал плечами. – Из-за дороговизны.
- Нет, неправда. Москвичи деньги считать тоже умеют. Да и цены у нас немногим отличаются от ваших.
- А правда говорят, что все фасады старинных домов теперь из пластика?
- Глеб улыбнулся:
- Не совсем. Осталась парочка кирпичных. Твое здоровье!
- Отпив коктейля, Глеб взглянул на экран телевизора, висящего над барной стойкой.
- Это местный канал? – поинтересовался он у бармена.
- Угу, – ответил тот.
- На экране происходило какое-то городское торжественное мероприятие. Пожилой рыжеволосый мужчина в дорогом костюме разрезал красную ленточку, а другие мужчины, стоящие рядом – столь же солидные, – улыбались и аплодировали ему.
- Глеб взял со стойки пульт и сделал звук погромче.
- ...Новый торговый центр занимает площадь два квадратных километра, – радостно вещал закадровый голос. – В нем будет представлен широчайший спектр товаров...

Глеб сделал звук тише.

– Кто этот рыжий? – спросил он у бармена.

Бармен взглянул на экран телевизора.

– Это-то? Мэр нашего города. Карл Иванович Рогов.

– А эти двое рядом с ним?

– Седой – прокурор Андрей Ильич Беккер. А лысый – Федор Сергеевич Геер, главный финансовый воротила нашего города. Он хозяин «Пруссбанка». Можно сказать, что эти трое – отцы нашего города, – весело добавил бармен. – Без их ведома здесь ничего не происходит.

– Рогов, Беккер, Геер, – повторил Корсак для того, чтобы лучше запомнить.

Гладкая, загорелая лысина банкира Федора Геера не только его не портила, но даже придавала ему «гламурности». Мэр и прокурор тоже выглядели неплохо, хотя и были лет на пятнадцать старше банкира. Дорогие костюмы, ухоженные лица, самодовольные улыбки.

– Ну вот, – проговорил вдруг бармен, повернувшись в сторону входа. – Помяни чертей, они и появятся.

Глеб проследил за его взглядом и увидел компанию молодых ребят. Впереди всех шел рыжеволосый паренек – высокий, жилистый, со своевольным взглядом. За ним парочка – черноволосый плечистый парень в обнимку с белокурой красоткой. Всем троим было на вид не больше восемнадцати лет.

– Детишки наших «отцов города», – негромко пояснил бармен.

– Детишки? – машинально переспросил Глеб, разглядывая компанию, вольготно расположившуюся за столиком, к которому уже бежал официант.

– Да, – ответил бармен. – «Золотая молодежь» есть не только у вас в Москве. Рыжий парень – Саня, сын мэра Рогова. Вон та парочка – Слава и Кристина. Слава – сынуля банкира Геера, а Кристина – прокурорская дочка.

– Ясно.

Мимо столика, где сидели ребята, прошел высокий темноволосый парень лет двадцати пяти на вид. При его появлении те встrepенулись. Рыжеволосый Рогов помахал ему рукой и сказал что-то приветливое. Девушка ему ярко улыбнулась, а Слава Геер даже сдвинулся вместе со стулом, чтобы высокий парень мог пройти.

Парень лишь небрежно кивнул ребятам в ответ, после чего сел через два столика от них и подозвал официанта.

– А это кто такой? – поинтересовался у бармена Корсак.

– Павел Базаров, – ответил бармен, протирая тряпочкой стойку. – Наша местная достопримечательность. Базаров – это псевдоним, в честь какого-то литературного героя.

Корсак взглянул на высокого парня внимательнее. Тот был одет в поношенные джинсы, замшевую курточку, а шея его была небрежно повязана шарфом. Он не был похож на представителя «золотой молодежи», скорее – на представителя арт-богема.

– Чем же он так прославился в столь юные годы? – поинтересовался Глеб.

– Он знаменитый художник, – ответил бармен, глядя на высокого парня едва ли не восторженными глазами. – Говорят, его картины стоят по сто тысяч долларов! Его тут все любят.

– Надо же! Такой молодой.

– Мой ровесник, – с гордостью объявил бармен. – Мы с ним учились в одном классе. Пашка уже тогда участвовал в международных выставках.

– Выходит, вундеркинд?

– Угу. Что-то вроде этого.

Насмотревшись на художника, он перевел взгляд на компанию ребят. Рыжеволосый Рогов заметил, что Глеб на него смотрит. Он сдвинул брови и рявкнул:

– Чего уставился?

– Не связывайтесь с ними, – шепнул Глебу бармен.

Глеб отвел взгляд.

– Хочешь, мы ему наваляем? – пробасил, посмеиваясь, «качок» Геер.

– Пусть живет. Я сегодня добрый. – Рыжий Рогов хлопнул ладонью по ягодицам проходившую мимо официантку. Его спутники весело заржали.

Художник Павел Базаров повернул голову на шум. Встретившись с ним взглядом, рыжеволосый Саня Рогов стушевался и покраснел.

– Вижу, эти ребята чувствуют себя здесь вольготно, – сказал Глеб бармену.

Тот вздохнул:

– Еще бы! Они могут разгромить весь ресторан, и им за это ничего не будет. Говорю же – «золотая молодежь». Разве у вас в Москве не такие?

– Нет, – сказал Глеб. – Ну, то есть, конечно, есть. Но они уже не ведут себя так нагло. По крайней мере, не «тусуются» в тех местах, где отдыхает простой народ. – Глеб залпом допил коктейль и бросил на стойку купюру. – Ладно, пойду. Где тут у вас хозяйственный магазин?

– Рядом. Налево и за угол. А там уже сами увидите.

12

Развалины музея выглядели мрачновато. Крыши у здания не было, стены устояли, но не полностью. Кирпичи были почерневшими от гари, а внутри (Глеб заглянул в выбитое окно) царил полная разруха. Хуже всего был запах гари – от него некуда было деться.

Ожидая библиотекаря, Корсак хотел закурить, но передумал. Курить на фоне пепелища было как-то некрасиво. К тому же, глядя на закопченные стены сгоревшего музея, Глеб вдруг припомнил антитабачный плакат в одном медицинском кабинете. На плакате были изображены легкие курильщика, и эти легкие были очень похожи на то, что сейчас Глеб видел перед собой.

Неподалеку от музея остановилось маршрутное такси. Из него выбрался Юрий Петрович Клинков. Глеб помахал ему рукой.

Когда библиотекарь подошел к музею, Глеб пожал ему руку и шутливо спросил:

– Готовы отправиться в ад?

– Не уверен, – с кислой улыбкой ответил ему Клинков.

Глеб нагнулся и раскрыл спортивную сумку, стоящую у его ног. Достал оттуда два желтых пластиковых дождевика, один оставил себе, а другой протянул Клинкову.

– Одевайтесь, – сказал Глеб.

– Что это?

– Дождевики.

– Зачем?

– Чтобы не испачкать одежду.

Библиотекарь взял дождевик, расправил его, осмотрел и заметил с улыбкой:

– Вижу, вы хорошо подготовились.

– Я старался.

Через несколько минут, надев дождевики и хлопчатобумажные перчатки и вооружившись фонариками, которые Глеб также извлек из сумки, Глеб и Юрий Петрович вошли в музей.

Копаться в обугленных вещах было делом тяжелым, кропотливым и противным. Юрий Петрович то и дело тягостно вздыхал и робко спрашивал:

– И все же, что мы с вами собираемся найти?

– Узнаем, когда найдем, – отвечал Глеб.

В конце концов, Клинков замолчал и сосредоточился на поисках. Осматривая сгоревшее пианино, библиотекарь извлек из-под крышки обгоревший листок партитуры.

– Последнее, что сыграл на этом пианино ваш дядя, – трагическим голосом сообщил он Глебу.

Глеб взял листок, выхватил взглядом строчку над нотами: «Ludwig van Beethoven. Für Elise».

– Бетховен?

– Да, – кивнул Клинок. – Ваш дядя очень его любил. И часто наигрывал. Без особого, впрочем, искусства.

Глеб пожал плечами и вернул листок библиотекарю. Затем продолжил поиски.

Минут через двадцать среди обугленных досок и почерневших кирпичных обломков Глеб обнаружил закопченный железный сейф. Сейф был не заперт, однако дверца под воздействием высокой температуры перекосилась, и Глебу пришлось здорово потрудиться, чтобы его открыть. Наконец, дверь поддалась.

– А вот и первый трофей! – сказал Глеб, вынимая из сейфа картонную коробку из-под обуви. Коробка была черной от копоти, но не потеряла форму. Глеб обтер ее влажной салфеткой, после чего открыл.

– Что там? – с любопытством спросил Юрий Петрович.

Глеб осторожно извлек из коробки толстую стопку распечатанных на принтере страниц.

– Похоже на рукопись, – сказал он.

Некоторые страницы обгорели по краям, но текст не пострадал. Глеб скользнул взглядом по первой странице и нахмурился. Юрий Петрович, напротив, пришел в радостное волнение.

– Боже! – воскликнул он. – Это роман Бориса Алексеевича! Тот самый, о котором он мне рассказывал!

– Что-то вы слишком сильно возбудились, – усмехнулся Корсак. – Будто нашли неизданный роман Достоевского.

Юрий Петрович одарил Глеба укоризненным взглядом и тяжело вздохнул.

– Поменьше цинизма, молодой человек! Борис очень трепетно относился к своему роману. Не удивлюсь, если он считал его главным делом своей жизни.

– Мелковата, значит, была жизнь, – проворчал Глеб и нагнулся, чтобы осмотреть сейф.

Библиотекарь поправил пальцем очки, внимательно посмотрел на Корсака и вдруг спросил:

– Отчего вы его так не любили, Глеб Олегович?

– Что? – не понял Глеб. – Кого не любил?

– Своего дядю. Что он вам такого сделал?

Глеб пошарил на всякий случай в сейфе, но, больше ничего не обнаружив, выпрямился и отряхнул руки. Затем покосился на библиотекаря и насмешливо проговорил:

– А вы, я вижу, из тех, кто любит приоткрывать занавес семейных тайн?

– Значит, тайна все-таки есть? – ответил Клинок вопросом на вопрос.

– Тайны есть у всех, – сказал Глеб. И вдруг уставился куда-то в угол. – Посмотрите! Что это там?

Юрий Петрович повернул голову и взглянул туда, куда указывал Корсак. Там было что-то вроде закопченного кирпичного короба, накрытого сверху, под углом градусов в двадцать, не то железным люком, не то дверью.

– Это вход в подвальное помещение, – сообщил Клинок, поправив очки. – И виновато добавил: – Я совсем о нем позабыл.

– А что в подвале?

– Думаю, те самые экспонаты, которые Борис пытался разобрать и каталогизировать.

Глеб подошел к подвалу и осмотрел железную дверь.

– Со времени пожара ее еще никто не открывал, – констатировал он. – Неужели это никому не интересно?

Клинок виновато пожал плечами. Глеб поправил на руках перчатки, передал фонарик Клинкову, нагнулся и ухватился за уголок засова.

– Юрий Петрович, вы можете мне посветить?

– Да, конечно.

Библиотекарь направил луч фонарика на дверь, ведущую в подвал. Глеб с усилием сдвинул засов, затем ухватился за железную ручку и потянул дверь на себя. Она со скрежетом поддалась. Из глубины подвала пахнуло прохладой, особенно ощутимой на фоне удушливого запаха гари.

– Посветите на лестницу, – попросил Корсак.

Клинок направил луч фонаря на косую железную лестницу, уводящую вниз. Глеб, держась за две скобы, приваренные к нижней планке железного косяка, ступил на лестницу и стал осторожно спускаться вниз. Лестница подозрительно поскрипывала и подрагивала под его ногами.

Ниже... Еще... Глеб спустился метра на два, когда в месте, где лестница была приварена к верхней площадке-порожку, что-то щелкнуло, хрустнуло, и вдруг ступеньки поехали у Глеба под ногами.

– Осторожно! – крикнул сверху Клинок.

Но было поздно. Глеб понял, что падает.

– Глеб! – крикнул сверху Юрий Петрович. – Глеб, вы живы?!

Корсак открыл глаза и посмотрел на светлый квадрат, из которого бил лучик фонаря. Упав Глебу на лицо, луч заставил его снова зажмуриться.

Глеб попробовал пошевелить руками и ногами. Затем перекатился на живот, уперся руками в пол и тяжело поднялся на ноги. Правое плечо болело, правая ладонь была ободрана в кровь, но главное – обошлось без переломов и сильных ушибов.

– Глеб! – снова крикнул библиотекарь. – Как вы?!

– Могло быть и хуже, – хрипло ответил Корсак.

– Что?!

– Я в порядке! – крикнул Глеб.

– Слава богу! – с облегчением воскликнул Клинок.

Глеб посмотрел под ноги. На полу что-то блеснуло. Он нагнулся и осторожно коснулся пальцами блестящего предмета. Это было серебристое колечко. Оно застряло между досками настила. Глеб зажал его между большим и указательным пальцами, вырвал из щели, поднял и поднес к глазам.

Колечко было сделано из узкой полоски серебристого металла. Сбоку к нему довольно грубо был приделан черный камушек. Глеб провел пальцем по камушку и нащупал что-то вроде гравировки.

– Юрий Петрович, светите ровнее! Не дергайте фонариком!

– Я стараюсь!

Глеб напряг зрение и действительно различил на черной, мерцающей поверхности камушка искусный рисунок. Это было крохотное изображение головы в профиль – вроде бы человеческой, но с чуть вытянутым, по-звериному, лицом и без ушей.

Сверху донесся шорох, луч фонаря дернулся и резко ушел в сторону, а затем стремительно очертил стены подвала, на мгновение вырвав из мрака шкафы, уставленные сосудами и статуэтками, и черный провал двери, обложенный каменной кладкой, а потом под ногами у Глеба что-то громко стукнуло, и подвал погрузился в темноту.

– Юрий Петрович! – позвал Глеб.

– Простите! Я уронил фонарик! Вы целы?!

Корсак тихо чертыхнулся, затем сунул колечко в карман, опустился на пол и пошарил по полу руками. Фонарик он нашел почти сразу, вернее – несколько его частей.

– Что там? – крикнул Клинков.

– Ничего! – крикнул в ответ Глеб. – Разлетелся вдребезги!

– Боже! Простите, ради бога! Я сейчас! Сейчас я что-нибудь придумаю!

Сверху снова донеслись шорохи. А затем Глеб услышал топот – библиотекарь побежал за помощью.

Глеб немного постоял на месте, размышляя, что же делать дальше. Потом, растопырив руки, осторожно двинулся с места и пошел вперед, туда, где успел увидеть открытую дверь.

Пальцы его коснулись холодной каменной кладки. Глеб сдвинул руку, и она провалилась в прохладную пустоту дверного проема.

– Черт, – с досадой и усмешкой пробормотал Корсак. – Мобильник!

Глеб быстро достал из кармана пиджака мобильный телефон и включил экран. Тусклый свет дисплея высветил черный вход. Глеб пару секунд помешкал, а затем шагнул в неизвестность.

13

Проход стал чуть уже, но пока еще в нем вполне хватало места, чтобы идти, не сгорбившись и не задевая плечами стены. В начале пути Глеб засек время, и теперь получалось, что он передвигался по тоннелю уже больше двадцати минут.

Поначалу он не испытывал ничего, кроме любопытства, потом, когда выяснилось, что длина тоннеля не десять и даже не тридцать метров, к любопытству добавилось удивление. Но постепенно любопытство и удивление стали сменяться тревогой.

Экран мобильного потускнел. Глеб глянул на дисплей и увидел картинку с перечеркнутой батареей. У аккумулятора заканчивался заряд.

– Ничего, – бодро сказал себе Глеб, – минут на пятнадцать хватит, а там разберемся.

И двинулся дальше по тоннелю, обложенному старыми, замшелыми камнями.

С каждым шагом на душе у Корсака становилось все тревожнее. Что, если аккумулятор разрядится раньше, чем закончится тоннель?

Я окажусь в полной темноте!

Может, повернуть назад? Нет, это не выход. На обратный путь аккумулятора точно не хватит.

Глеб невольно ускорил шаг, рискуя вывихнуть ногу, споткнувшись о булыжник или попав в рытвину. С каждым шагом тревога в его душе нарастала, но он утешал себя тем, что в конце каждого тоннеля бывает выход. А по этому тоннелю, к тому же, наверняка ходил его дядя. А значит, ничего кошмарного здесь нет.

И все же тревога в душе Глеба возрастала. Несколько раз он останавливался из-за того, что ему чудились какие-то шорохи и тихие звуки, объяснения которым Глеб не находил. То ли оседала старинная кладка, то ли по тоннелю гулял слабый ветер, шелестя сухим мхом.

Постояв несколько секунд, Глеб двигался дальше, пытаясь себя уверить, что ничего необычного в этом нелепом передвижении по странному каменному тоннелю нет. Но тревога и страх брали свое, и, наконец, Глеб понял, что тревога сменяется ужасом. Ему стало казаться, что кто-то преследует его по пятам. Глеб то и дело оборачивался и светил мобильником себе за спину. Тоннель был пуст, но Глебу казалось, что он замечал какое-то стремительное бесшумное движение.

«Все хорошо, – убеждал себя Корсак. – Это просто нервы».

И продолжал путь, вытирая рукавом пиджака влажный от выступившего пота лоб.

Глеб Корсак никогда не страдал болезненной мнительностью, но то, что происходило с ним сейчас, определенно напоминало паранойю. Стараясь успокоиться, Глеб вдруг подумал, что давно уже не испытывал ничего подобного. После развода с Машей на протяжении многих месяцев он полностью отдавался своему горю, жалел себя, изматывал мыслями о безвозвратности своей потери, но постепенно ощущение вселенского горя сменилось какой-то апатией, а затем и полным безразличием к собственной жизни.

– К черту! – тихо проворчал Корсак, пробираясь по тоннелю. – Нашел время для психоанализа.

Наконец, в неверном свете дисплея появились каменные ступени, поднимающиеся вверх. Глеб остановился. Ступени выглядели очень древними, были покрыты множеством трещинок, поросли мхом. Кое-где ступени были сильно выщерблены. Но все же это было похоже на выход!

Глеб двинулся по ступеням вверх – медленно и осторожно. Через десять или двенадцать ступеней он наткнулся на дверь, сделанную из плотно подогнанных друг к другу вертикальных железных прутьев.

Глеб разглядел замочные петли, но самого замка не было. Он ухватился за ручку и потянул дверь на себя. Она скрипнула и приоткрылась.

Глеб оказался не то в пещере, не то в гроте. Впереди он увидел мерцающий свет и сразу понял, что свет этот – уличный, дневной.

Пройдя несколько шагов, Корсак услышал шум, похожий на шум моря. Он прошел до конца пещеры и остановился у выхода. Перед ним шумели, покачивая ветвями на ветру, могучие дубы.

– Роминтская пуца, – пробормотал Глеб, замороженно глядя на деревья.

Глеб улыбнулся и сделал шаг вперед. Носок его ботинка поддел какую-то вещицу, валяющуюся на земле, и она отлетела, с тихим стуком ударилась о дерево и откатилась в сторону. Глеб нагнулся и поднял вещицу с земли.

Это была губная помада.

14

На улице вечерело. Юрий Петрович сидел на скамейке, возле машины Глеба, прижимая руку к груди. Завидев Глеба, он вскинул голову и взволнованно воскликнул:

– Глеб! – Но тут же поморщился от боли в груди. – А я уже не знал, что делать, – сипло добавил он. – Принес вам стремянку с соседней стройки. Кричу, кричу – а вы не отзываетесь. Я попробовал спуститься в подвал сам, так чуть ногу не сломал. Думал уже бежать и звать кого-нибудь на помощь!

– Не очень-то вы торопились, – иронично заметил Корсак, присаживаясь рядом с библиотекарем.

В глазах Юрия Петровича мелькнула обида.

– Вы не правы, – тихо сказал он. – Я бы сразу побежал, да сердце прихватило. Пока нашел валидол, пока отдышался... А телефон я уронил в подвал, когда пытался туда спуститься.

Глеб почувствовал укол совести. Похоже, старику и правда не здоровилось.

– Простите, Юрий Петрович, – искренне сказал он, вглядываясь в бледное лицо Клинова. – Как вы себя сейчас чувствуете? Хотите, я вызову «Скорую»?

Глеб потянулся в карман за мобильником, но вдруг вспомнил, что телефон разряжен.

– Ничего, ничего, – сказал Юрий Петрович. – Мне уже хорошо. Таблетка помогла. Она всегда помогает. Пойдите!.. Вид у Клинова стал озадаченно-растерянный. – Да ведь я вас не спросил – как вы здесь очутились?!

Глеб не удержался от улыбки, уж больно комично выглядел библиотекарь.

– Прорыл нору в земле, – сказал Глеб. – Как крот.

– Смешно. Ну, а если серьезно?

– Я нашел дверь, ведущую в подземный тоннель. И пошел по этому тоннелю. Шел, шел и пришел к выходу.

Клишков приоткрыл рот от изумления:

– Тоннель? И куда же вы вышли?

– В лес.

– Выходит, Борис был прав? И подвал действительно соединен с Роминтским лабиринтом?!

– Вполне возможно. – Глеб потянулся в карман за сигаретами, но пальцы его наткнулись на губную помаду.

Глеб пару секунд раздумывал, потом взглянул на библиотекаря и спросил:

– Скажите-ка, Юрий Петрович... Вот вы часто общались с моим дядей... Как он относился к женскому полу? Ну, то есть, была ли у него подруга жизни?

Клишков поправил пальцем очки, которые совсем не надо было поправлять, из чего Глеб заключал, что сильно смутил библиотекаря.

– А почему вы спрашиваете?

– У выхода из тоннеля я нашел вот это. – Глеб вынул из кармана помаду и показал Клишкову.

– «Шанель Руж Коко»... – прочел тот название фирмы. – «Восемьдесят восемь эсприт».

– Так была у него подруга или нет?

– Этого я не знаю. – Клишков вернул Глебу помаду, а затем снова приложил руку к груди и слегка поморщился.

– Ладно. – Глеб протянул Клишкову руку. – Давайте подниматься. Меня уже тошнит от запаха гари. А пиджак придется отдать в химчистку.

Глеб и Юрий Петрович подошли к машине Глеба. Пожилой библиотекарь шел, прихрамывая и держась рукою за грудь. Глеб шел усталой походкой, он был сильно вымотан и думал сейчас только о холодном коктейле – треть стакана водки, треть тоника, лимонный сок и много льда.

Остановившись у машины, Глеб открыл перед Клишковым дверцу и помог ему забраться в салон на кресло рядом с водительским. Затем обошел машину, сел за руль и захлопнул за собой дверцу.

Заводя мотор, Глеб снова вспомнил про губную помаду.

– Юрий Петрович, можно задать вам личный вопрос?

– Задавайте, – разрешил библиотекарь.

– Вы правда питаете романтические чувства к Аделаиде Рудольфовне?

Клишков улыбнулся.

– Что вы, Глеб Олегович! Мы с ней просто друзья. Нет, не просто друзья, а *очень хорошие* друзья.

– Кажется, она так не думает.

– Знаете, когда-то, лет сорок назад, она была настоящей красавицей, и за ней ухаживали толпы поклонников. Среди этих поклонников был и я. Но в ту далекую пору она меня совершенно не замечала. А теперь...

Библиотекарь замолчал, не считая нужным заканчивать фразу.

– Понимаю, – сказал Глеб. – Мы все боимся старости.

– У женщин это острее. Женщина умирает, как только перестает чувствовать себя женщиной. Но она будет женщиной до тех пор, пока у нее остается хотя бы один поклонник.

Глеб улыбнулся.

– Возможно, не все женщины такие.

– Возможно. Но мы ведь говорим о конкретной женщине. А она – такая.

Корсак хмыкнул и тронул машину с места.

Глеб подбросил Юрия Петровича до самых дверей библиотеки. Перед тем, как покинуть машину, Клинков покосился на пластиковый пакет, в который Глеб упаковал рукопись, и задумчиво пробормотал:

– *Carmina morte carnet*¹. — Потом перевел взгляд на Глеба и спросил: – Что вы будете делать с книгой, Глеб Олегович?

– Не знаю, – честно ответил Глеб.

Библиотекарь улыбнулся.

– Для начала попробуйте ее прочитать, ладно?

– Честно говоря, я не большой любитель развлекательной литературы.

– И все же попробуйте, – мягко, но настойчиво произнес Клинков. – Для него это было важно. Быть может, это станет важным и для вас.

– Помочь вам выбрать? – предложил Глеб, меняя тему.

– Не надо. Всего доброго!

Юрий Петрович, кряхтя, вышел из салона и с силой захлопнул за собой дверцу – так, что содрогнулась вся машина.

– А на вид немощный, – с улыбкой проговорил Глеб и нажал на газ.

...Спустя полчаса он сидел на высоком стуле перед поцарапанной дубовой стойкой, ожидая, пока бармен смешивает коктейль. Чтобы скрасить ожидание, Глеб достал из кармана свои трофеи – губную помаду и серебристое колечко с черным камушком посередине. Помаду он убрал обратно в карман, а колечко принялся разглядывать.

Бармен поставил перед ним на стойку стакан с коктейлем.

– Ваша водка с тоником и лаймом.

– Спасибо. – Глеб взял стакан и сделал большой глоток.

– Любите водку с тоником? – с улыбкой проговорил бармен.

– Угу, – ответил Глеб, продолжая разглядывать камушек с выгравированной мордой загадочного существа.

– Ваш дядя вас бы не понял, – весело сообщил бармен. – Он пил только чистый виски.

Глеб поднял взгляд на бармена и удивленно спросил:

– А разве мой дядя заходил сюда?

– Борис Алексеевич? Да, случалось. В последнее время он полюбил хороший виски и заходил сюда, чтобы выпить стаканчик-другой.

– И какие сорта виски он предпочитал?

– Самые лучшие. «Маккалан Оскура», «Гленливет» двадцатилетней выдержки.

Глеб приоткрыл рот от изумления.

– И сколько у вас стоит стаканчик такого «Маккалана»? – поинтересовался он.

– Полторы тысячи рублей.

Глеб тихо присвистнул.

– А разве в Москве дешевле? – озадачился бармен.

– Нет, не дешевле. Значит, говорите, мой дядя приходил сюда и выпивал по паре таких стаканчиков за вечер?

– Ну да. Один, два, но не больше. Он ценил вкус, а не количество.

– И часто он тут бывал?

– Два-три раза в неделю.

Глеб задумался. Получалось, что его дядя тратил на походы в бар по двадцать пять – тридцать тысяч в месяц. Откуда у провинциального музейного работника такие деньги?

¹ Рукописи не горят (лат.).

В лотерею он их выиграл, что ли?

Немного поразмыслив, Глеб снова достал из кармана губную помаду, найденную у выхода из тоннеля.

– О! – улыбнулся бармен, увидев помаду. – Эта штучка мне знакома.

– То есть? – не понял Корсак.

– Борис Алексеевич купил ее кому-то в подарок. И еще со мной советовался – хорошая это фирма или нет.

Глеб перевел дух. Женщины и деньги совершенно не вязались в его представлении с образом дяди Бориса. «Выходит, я его совсем не знал», – с досадой подумал Глеб.

– Кому он собирался ее подарить?

Бармен пожал плечами:

– Понятия не имею. Он мне не говорил. А я с вопросами к посетителям не пристаю.

– Ясно. – Глеб залпом допил коктейль, поставил стакан и потянулся за бумажником.

– Может, повторить? – вежливо поинтересовался бармен.

– Не надо.

Глеб отсчитал нужную сумму и положил деньги на стойку.

15

Ночь была ветреная и холодная. Лежа на кровати в своем гостиничном номере, Глеб прислушивался к тоскливому, протяжному вою ветра за окном, похожему одновременно и на трубный звук охотничьих рогов, и на завывание преследуемых охотниками незримых тварей.

Погружаясь в дрему, Глеб пытался представить себе этих тварей, и у него получалось. Они бежали по лесу на четырех лапах, но вместо волчьих морд у них были белые, чуть вытянутые вперед лица – такие, как лицо на перстне, найденном в подвале музея, и такие, как таинственный «ангельский лик» на старинном надгробии, с которого дядя Борис снимал грифельную копию.

Потом с мыслью о воображаемых неведомых чудовищах Глеб перескочил на мысли об узком тоннеле Роминтского лабиринта и о губной помаде, найденной там, где тоннель выводит к лесу.

Неужели у старого музейного червя была женщина? Трудно себе представить. Возможно ли влюбиться в шестьдесят три года?...

Почему бы нет?

А в пятьдесят три? А в сорок? А в восемнадцать?... Существует ли она вообще, любовь? И отличается ли она от страсти?...

Глеб все глубже погружался в сон. И где-то там, на зыбкой границе, отделяющей фантазию от сна, на самой кромке туманного сновиденного мира Глеб вдруг увидел девичье лицо, и это было лицо Эльзы.

* * *

– Я его знаю, это Глеб Корсак из двадцатой школы!

– Я тоже его знаю. Глеб! – окликнул кто-то из ребят. – Уйди с края обрыва, чувак!

Глеб не оборачивался. Он по-прежнему стоял на краю и смотрел замороженным взглядом в темную бездну пропасти. Где-то далеко внизу, среди камней, плескалась вода.

– Корсак, кончай дурить! – снова крикнул кто-то.

Толпа ребят двинулась к нему.

– Не подходите! – резко сказал Глеб.

Ребята остановились.

- Корсак, ты че, ошалел? – снова попытался урезонить кто-то. – Сорвешься же!
- Не ваше дело! – сухо огрызнулся Глеб.

Вдруг толпа расступилась, и, покосившись в ту сторону, Глеб увидел Эльзу. Она прошла, никого не задев ни плечом, ни рукой, с высоко поднятой темноволосой головой. Остановилась в нескольких шагах от Глеба. Насмешливо посмотрела на него, а затем небрежно проговорила:

- Оставьте его в покое. Он все равно не прыгнет.

Глеб криво ухмыльнулся.

- Не прыгну?

Эльза покачала головой:

- Нет.

- А если прыгну?

– Не прыгнешь, – все тем же пренебрежительным, почти презрительным тоном произнесла Эльза.

- Спорим? – предложил Глеб и облизнул языком пересохшие от волнения губы.

Эльза усмехнулась:

- Ну, давай.

– Если я выиграю – ты пойдешь со мной на свидание. – Голос Глеба подрагивал, и ему стоило больших усилий говорить спокойно. – Идет?

- Свидание? – Усмешка Эльзы стала презрительной. – И это все?

– Эльза, не подначивай его! – донесся из-за спины Эльзы девичий голос. – Ты же видишь – он пьяный. Вот возьмет – и правда прыгнет!

Глеб смотрел только на Эльзу и слышал только ее. Но и она не сводила зеленых глаз с Глеба.

– Хорошо. – Эльза чуть прищурилась. – Если ты прыгнешь, я пойду с тобой на свидание. На *настоящее свидание*, – подчеркнула она.

– Пацаны, она ему даст! – весело крикнул низкорослый паренек, но тут же получил подзатыльник от высокой и тощей девушки.

- Ты чего, Спица? – возмутился он.

- Заткнись, дурак, – парировала девушка. – Ты же его провоцируешь!

Но Глеб уже не слушал. Он отвел взгляд от Эльзы и снова взглянул в бездну. До воды было метров пятнадцать. Единственный шанс уцелеть – попасть в узкий просвет между двух каменных валунов. Глубина там была достаточная, но сам проем – не больше полутора метров.

- Эльза, ты чего! – взвизгнула тощая девица.

Глеб повернул голову и оцепенел. Эльза стояла рядом с ним.

- Ты... зачем это?

Но Эльза его не слушала, она молча и заворуженно смотрела вниз, как секунду назад делал это сам Глеб.

- Ребята, вы с ума сошли?! – крикнул какой-то парень. – Убьетесь!

- Надо звонить в милицию! – поддакнула тощая девица.

- Эльза, ты не... – начал было Глеб, и в этот момент почва у него под ногами дрогнула.

Глеб взглянул себе под ноги и похолодел от ужаса. По земляному утесу, на котором они с Эльзой стояли, пробежала трещина. Судорожным движением Глеб успел схватить Эльзу за руку, а в следующую секунду кусок земли, отколовшись от утеса, с грохотом обрушился вниз, увлекая за собой Глеба и Эльзу.

* * *

...Глеб проснулся из-за странного чувства. Ему казалось, что в темноте гостиничного номера на него кто-то смотрит. Несколько секунд он лежал неподвижно, вслушиваясь в шорохи

и скрипы и пытаюсь определить источник этого странного ощущения. На пару секунд Глебу показалось, что он уловил слабый запах гари.

Глеб передернул плечами от отвращения. Затем приподнялся на кровати и повернул голову в сторону окна, внутренне готовя себя к тому, что может увидеть что-то страшное.

И предчувствие его не обмануло. С улицы в окно заглядывал монстр. У него было жуткое белое лицо, чуть вытянутое вперед, как у зверя, а на месте глаз чернели большие провалы. Несколько секунд Глеб и монстр смотрели друг на друга. Затем монстр исчез.

Глеб перевел дух. Футболка его взмокла от холодного пота. Он провел дрожащей рукою по волосам на голове и понял, что они стоят дыбом.

– Все в порядке, – вслух проговорил Глеб, чтобы придать себе уверенности.

Он сел на кровати, опустив ноги на холодный пол. Мысленно досчитал до трех и встал. Затем, преодолевая ужас, двинулся к окну.

Не делай этого!

Шаг. Еще шаг. Вот и окно.

Не смотри туда! Вернись в кровать!

С замирающим сердцем Глеб сдвинул щеколду, распахнул створку окна и выглянул наружу.

Странное существо стояло внизу и, задрав голову, смотрело на Глеба. Одежда у монстра была черная, поэтому белая голова с чуть вытянутым лицом-харей казалась просто повисшей в черном воздухе. Игра в гляделки продолжалась еще секунду или две, после чего монстр опустил голову и вдруг растворился в ночной мгле. Словно был создан не из плоти и крови, а из черной, туманной субстанции ночи.

Глеб постоял у окна еще несколько секунд, глубоко дыша и стараясь успокоить бешено бьющееся сердце. Потом с усилием отвел взгляд от окна, захлопнул створку, повернулся и, подойдя к выключателю, включил свет. Потом оглядел комнату и не заметил ничего страшного или подозрительного.

На негнущихся ногах Глеб прошел в ванную комнату.

Только сполоснув лицо холодной водой, он немного пришел в себя.

Душу Глеба заполняли страх и мрак, и в этом не было ничего удивительного. Сегодняшняя ночь с ее ветром и полной луной способна была пробудить тревогу и в гораздо менее чувствительном сердце; а если знать, что где-то неподалеку рыщет чудовище, явившееся прямо из кошмарного сна, то не поддаться страху просто невозможно.

Насухо вытерев полотенцем лицо и пригладив ладонью волосы, Глеб вернулся в комнату и включил свой портативный электрочайник в розетку. О белом монстре он старался не думать. Главное сейчас – успокоиться. А для этого нужно совершать простые обыденные движения.

Он подождал, пока чайник закипит. Потом заварил себе крепкий сладкий чай прямо в чашке, после чего взял чашку и сел с ней в кресло. Отпил глоток, поставил чашку на тумбочку и увидел пакет с рукописью дядиногo романа.

Так вот откуда шел запах гари!

Глядя на рукопись, Корсак припомнил свой последний телефонный разговор с дядей.

– Глеб, не помню, говорил я тебе или нет: я пишу роман о наших с тобой предках. Вернее, об одном из них, нашем далеком пращуре. Кстати, в романе его зовут Галеб. Почти как тебя. И фамилия у него похожа на нашу. Галеб Корсо.

– Корсо?

– Да. На диалекте юга Италии «corso» означает «сильный, мужественный».

– И чем занимается этот твой мужественный Корсо?

– Он кузнец. Кует мечи и копья. А попутно воюет с чудовищами.

В трубке повисла тишина.

– Эй, Глеб? Ты чего молчишь? Тебе не нравится моя затея?

– Почему же? Делай что хочешь. Должен же ты чем-то заполнять долгие зимние вечера!

– Спасибо за разрешение. – Дядя тихо засмеялся.

Вспомнив тот давний разговор, Глеб взял с тумбочки обгоревшую рукопись. До того, как проснется весь город, оставалось часа полтора. И Глеб решил скоротать их за чтением дядиного опуса.

Он открыл первую страницу и прочитал:

«Для того, чтобы читателям, если таковых пошлет мне Господь, удобнее было читать мой роман, я для начала кое-что проясню. Во-первых, пару слов о Роминтской пуце...»

Глеб оторвал взгляд от страницы, взял с тумбочки чашку и сделал глоток. Затем небрежно пролистнул пару страниц и стал читать с середины.

«...Во времена рыцарей Тевтонского ордена Роминтская пуца использовалась в основном как место для охоты. Ежегодно, а иногда и несколько раз в год, как правило летом, гроссмейстеры Тевтонского ордена вместе со своими гостями отправлялись на большую охоту в Роминтскую пуцу. Такая большая охота могла длиться неделями. В остальное время рыцари разрешали охотиться там местным жителям. В пуце также собирали мед диких пчел, воск, другие дары природы...»

Глеб перелистнул еще одну страницу.

«...В тридцатых годах двадцатого века Роминтскую пуцу облюбовал Геринг. Рядом с бывшей усадьбой Вильгельма в 1936 году он устроил свою собственную охотничью дачу. На даче Геринга проводились встречи видных нацистов, в том числе Генрих Гиммлер, Эрих Кох, Иоахим Риббентроп...»

Глеб зевнул, отлистал предисловие и открыл страницу с первой главой роман.

«Галеб Корсо отлично работал с железом, – прочитал Глеб. – Более того, он любил железо...»

Глава вторая

1

«Галеб Корсо отлично работал с железом. Более того, он любил железо. Любил его вид, податливость, с какой оно принимало любую форму, и даже запах. Запах раскаленного железа – что может быть лучше?»

Солнце уже скрылось за лесом, и кузнец Галеб Корсо чувствовал усталость. Помахать молотом сегодня пришлось немало: три новых колеса, два лемеха да боевой топор для воеводы.

Любая вещь хороша, однако больше всего Корсо любил ковать мечи. У него был дедов меч, очень хороший, лучший из всех, которые довелось видеть Корсо. В бою он его не испытал, но так часто держал в руках, что знал все его достоинства и недостатки и ковал остальные по этому образцу.

Мечи кузнеца Корсо, не слишком широкие и странной извилистой формы (сельчане называли их «змеевиками»), были разной длины и тяжести, чтобы каждый воин мог выбрать себе меч по руке и по силам. Рукояти для мечей он делал не из мягкой березы, а из крепкого клена, чтобы и через несколько лет те не расшатались и лежали в руке как влитые. На каждой рукояти Корсо выжигал свой знак и особые письмена – заговор против врагов.

Клинки своих мечей кузнец Корсо оттачивал до такой остроты, что ими можно было срезать волосы. А уж блестели его клинки – что твой луч солнца. Выйдешь из тени, глянешь на такой клинок и тут же зажмуришься.

Закончив чинить плуг, Корсо отложил инструменты, прошел к двери и уселся на старую колоду – отдохнуть.

– Корсо! – крикнули с улицы. – Эй, Корсо! Где ты, кузнец?

– Чего голосишь? – мрачно отозвался Галеб. – Я в кузне, или не слышишь?

Корсо неторопливо поднялся с колоды. В кузню вошел староста Еремей, мужик грузный, чернобородый, в добротном кафтане, отороченном беличьим мехом, и в шерстяной шапке, криво нахлобученной на голову.

Староста окинул подозрительным взглядом помятое лицо Корсо Галеба, усмехнулся и спросил:

– Опять с вечера бражничал?

– Нет, – угрюмо ответил Галеб.

– А чего на полу спал? Сено-то с подола отряхни.

Галеб стряхнул со штанов и с подола прилипшее сено, расправил затекшие плечи, глянул на старосту исподлобья.

– Зачем пришел? Опять дверные петли для хлева?

Чернобородый Еремей качнул головой:

– Нет. Лемех, будь он неладен.

– Что ж... – Галеб кашлянул. В горле пересохло и слегка першило. Похоже, он и впрямь перебрал с вечера. – Посмотрим на твой лемех, староста.

И вдруг оба насторожились.

– Как будто шум? – тревожно проговорил староста Еремей.

Галеб прислушался. Его чуткое ухо уловило перестук копыт и далекое гиканье.

Еремей и Галеб, не сговариваясь, быстро двинулись к двери. Еремей вышел первым. Сделал пару шагов и остановился. Галеб видел его широкую спину.

– Еремей, что там? – окликнул он, занося ногу над порогом.

Из-за деревьев выскочил разгоряченный конь, а на нем – нарочный князя в богатом запыленном одеянии.

Галеб как раз перешагнул через порог, когда что-то свистнуло, и конь нарочного поднялся на дыбы. Нарочный взлетел в воздух, перекувыркнулся через голову и брякнулся на жердины забора. Галеб замер от неожиданности, и в этот миг опять что-то свистнуло, и староста Еремей, не то что-то выкрикнув, не то булькнув горлом, схватился руками за шею, и его повело в сторону. Галеб кинулся к старосте и успел подхватить его, но тут же разжал руки, потому что лицо ему окатил фонтан горячей крови.

Черный наконечник стрелы торчал у Еремея из горла. Точно такой же торчал из груди нарочного. И вдруг слабый шум, казавшийся доселе слишком тихим и далеким, взорвал воздух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.